

Александр КУЗНЕЦОВ

**БОЛВАНЦЫ НА ЛЫСОЙ
ГОРЕ**

(Очерки языческой топонимики)

Вологда
1999

*Пусть солнце на пашнях венчает обильные всходы
Старинной короной своих восходящих лучей!..
Николай Рубцов*

ОТ АВТОРА.

троки из стихотворения «Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны...» великого русского поэта Николая Рубцова по-своему примечательны. Образно говоря, это настоящее языческое заклинание, прорвавшееся вдруг сквозь века и выраженное простыми, но скрывающими в себе глубокий смысл словами.

Славянское, а позже — русское, язычество было мировоззрением земледельцев, где такие понятия-символы, как СОЛНЦЕ, ПАШНЯ, РАСТЕНИЕ, ВОДА, являлись определяющими. Культ плодоносящей матери-земли, орошаемой небесными и поверхностными водами, согреваемой яркими солнечными лучами, влиял на все мироощущение славян. Немного идеализируя, можно сказать, что язычество наших далеких предков было довольно привлекательной по своей сути религией (если этот термин здесь подходит), основу которой составляло взаимопонимание человека и окружающей природы, в отличие от заполонившего славянские земли инородного христианства, где мерилom всего был страх — перед природой, перед другим человеком, перед смертью, перед богом. Но, видимо, все-таки что-то осталось от тех далеких языческих времен в душах русских людей до сих пор, раз способны еще возникать замечательные стихотворные строки, вроде тех, что вынесены в эпиграф этой книги.

Один анонимный автор писал в газете «Вологодские губернские ведомости» в середине прошлого века о «религиозном духе» наших с вами прапрадедов вот что: «Почти все наши прихожане весьма холодны к Св. церкви, недоверчивы к пастырям духовным, отпадчивы от православия и самых коренных, важнейших, благодетельнейших обязанностей христианских вовсе не исполняют. Поверите ли, есть такие лица в приходе, числящиеся православными, которые по 20 и более лет не ходят на исповедь и ко Св. причастию!»¹

В более ранних исторических источниках также имеется большое количество разнообразных свидетельств о довольно «прохладных», если не сказать более, отношениях государственной религии Руси-

России и простого народа. Приведем еще несколько выдержек из русских и зарубежных памятников письменности.

Вдумайтесь в содержание известной грамоты царя Алексея Михайловича, посланной в 1648 году воеводам: «Ведомо нам учинилось, что умножилось в людях во всяких пьянство и всякое мятежное бесовское действо, глумление и скоморошество со всякими бесовскими играми... Многие люди сходятся по вечерам и во всеношных позорищах на улицах и на полях, и богомерских скверных песней, и всяких бесовских игр слушают... и на кулашных боях меж собою драку делают, и на качелях колышутся вокруг, жонки и девки на досках скачут... клички бесовские кличут — коледу, и таусен, и плуту... накладывают на себя личины и платье скоморошеское, и меж себя наряда бесовскую кобылу водят...»²

А вот слова католического кардинала Д'Эли, который после знакомства с Московией в начале XV века доносил в Рим следующее: «Русские в такой степени сблизили свое христианство с язычеством, что трудно было бы сказать, что преобладало в образовавшейся смеси: христианство ли, принявшее в себя языческие начала, или язычество, поглотившее христианское вероучение»³. Из других, достаточно многочисленных зарубежных источников на тему о противостоянии язычества и православия на Руси приведем еще такой отрывок из послания одного польского епископа другому: «Народ же тот русский, множеству ли бесчисленному, небу ли звездному подобный, и веры, правило православной, и религии истинной установления не блюдет... Тот народ, известно, не только в дароприношении тела господня, но и в уклонении от церковного брака и взрослых повторного крещения, а равно в иных церкви таинствах позорно колеблется. Христа лишь по имени признает, а по сути в глубине души отрицает»⁴.

Наконец, хочется также сослаться на примеры из нескольких средневековых русских православных поучений, где о язычестве, униженном, но не сломленном новой религией, пришедшей на нашу землю из «полуденных стран», говорится так: «Мнози ся ленять и зле живуть... не слушая божественных словес. Но аще плясци или гудци или ин хто игрецъ позовет на игрище или на какое зборище идольское — то вси тамо текут, радуясь и весь день тот предстоят позорствующе тамо...» или же: «Христьянин не мога терпети христьян, двоеверно живущих, верующе в Перуна и Хорса, и в Макошь, и в Сима и в Рьгла, и в вилы, их же числом 30 сестрениць... А друзии верують в

Стрибога, Дажьбога и Переплута, забывше бога, створившаго неба и землю, моря и реки и тако веселяшесе об идолах своих»⁵.

Впрочем, тема настоящей книги далека как от критики христианской веры⁶, так и от сравнительного анализа «преимуществ» и «недостатков» русского язычества и русского православия. В известном труде академика Б. А. Рыбакова «Язычество Древней Руси» есть строки, которые и побудили нас заняться сбором определенного типа топонимов: «Своеобразным, но очень плохо изученным остатком языческой старины являются многочисленные названия урочищ: Святая гора, Лысая гора, Святое озеро, Перынь, Волосово и др. Учитывая трудность сбора такого материала, как названия урочищ, обычно не фиксируемых даже на крупномасштабных картах, мы должны признать широкую повсеместность подобной языческой топонимики»⁷. Вологодская область, территория которой в древности лежала на самой окраине Русского государства, также могла иметь в своей системе географических названий сохранившиеся реликты языческих топонимов, как память об исконной вере нашего народа. Известно, что «первые случаи строительства сельских приходских церквей в Вологодском крае относятся к XIV веку», и связаны они были с инициативами монастырей, а массовое возведение деревянных храмов «отмечается всеми историческими источниками с конца XIV — начала XV веков»⁸. Следовательно, после так называемого «крещенья Руси», имевшего место в 988 году от Рождества Христова, сельское население северных частей русского государства еще почти четыре века имело о православии крайне смутное представление, если имело его вообще...

Характерно, что именно к упомянутому отрезку времени относится и наибольшая активность русского народа в освоении просторов таежного Севера, редко населенного тогда различными финно-угорскими этносами. А при освоении любой территории неизбежно возникают новые названия рек, озер, деревень, полей, сенокосов и ... мест отправления религиозного культа во всех его проявлениях, выражаясь канцелярским языком. Поэтому основная задача, которая стояла перед автором этой книги, заключалась в первоначальных поисках следов язычества в географических названиях и толковании их в тесной связи с сохранившимися народными легендами, преданиями и конкретными историческими условиями появления подобного рода топонимов.

Библиографические разыскания по теме об отражении языческих верований в топонимии Русского Севера почти ничего не дали: стоит

отметить лишь пару публикаций И.А. Летовой из Екатеринбурга, подготовленных по материалам Северной топонимической экспедиции Уральского университета, которая ряд лет работала в пределах Архангельской и Вологодской областей⁹. Одна статья рассказывает о языческих названиях с юга Архангельской области, а в другой были представлены списки «святых» и «чертовых» топонимов в границах обеих областей, но далеко не полные. Тем не менее, именно вторая статья выглядит наиболее удачной во всех отношениях, хотя, как это нередко бывает в современных, узкоспециализированных, научных публикациях по топонимике, авторов привлекает лишь само название, а вот такой важный момент, каким является географическое положение именованного объекта, не указывается. У И.А. Летовой приведена лишь привязка к административному району, и попробуй потом найди в нем какой-нибудь «Святой ключ»? Для нас же всегда вместе с толкованием и мотивировкой языческого топонима было важно узнать, а что представляет собой объект культа непосредственно в окружающем его историческом и природном ландшафте. Поэтому за последние годы автором книги были лично посещены почти все места языческих святилищ, о которых рассказывается в данной книге.

Кроме «полевых» исследований пришлось просмотреть большое количество всевозможных списков населенных пунктов XIX и XX веков, картографические и другие материалы Генерального межевания России конца XVIII века, а также публикации писцовых книг XVI века. Постепенно вырисовывалась картина достаточно широкого распространения древних языческих топонимов на территории, которую сейчас занимает Вологодская область. Вне всякого сомнения, аналогичные или подобные географические названия должны быть и в соседних с Вологодской областях — Тверской, Ярославской, Костромской, Вятской и других, в связи с чем есть надежда, что наша книга, наше небольшое исследование, может послужить для кого-то отправной точкой в продолжении поисков языческих топонимов на соседних землях.

Для автора также имеет огромное значение и обратная связь с читателями книги: если у кого-то после знакомства с новыми фактами и идеями возникнут возражения, исправления или дополнения, вы можете написать о них по адресу: **161322, Вологодская область, Тотемский район, деревня Усть-Печеньга, Кузнецову Александру Васильевичу.**

СЛОВЕНСКИЕ БОЛВАНЦЫ

азвание этой деревни на правом берегу реки Славянки, что протекает на юге Кирилловского района, сразу привлекает внимание своей редкой для русских ойконимов¹ формой — Болванцы. По крайней мере, в десяти тысячном списке названий вологодских деревень² с похожим формантом³ набралось чуть больше десятка ойконимов: Кипрецы, Крутцы, Веницы, Овинцы и др., а на карте Вологодской области 1956 года издания (масштаб 1:600 000), где и были первоначально обнаружены Болванцы, и того меньше.

Ни у одного названия деревни с формантом «цы» не оказалось основы, происходящей от личного имени или прозвища первопоселенца деревни, а везде были какие-либо термины — местный географический, как, например, «крутец» — возвышенный, обрывистый берег реки, или связанный с деятельностью человека, как «овин» — строение для сушки снопов. Множественное число в упомянутых выше ойконимах не надо воспринимать в плане отражения некой реальности. Обычно думают, что около деревни Крутцы есть несколько крутых обрывов на реке, а у деревни Овинцы стояло несколько овинов. На самом деле процесс плюрализации (от латинского слова «плюрале» — множественное) в топонимии состоит в том, что один яркий, запоминающийся или важный для какой-то группы людей объект получает в географическом названии такую вот множественную форму: брод через реку — деревня Броды, глинистое поле — деревня Глины и т.п.

Итак, названия деревень с формантом «цы» практически не имеют в своей основе имен или прозвищ людей. Значит, происхождение ойконима Болванцы не должно быть связано с прозвищем «Болван», а ведет свое начало от славянского названия языческого идола. В «Словаре народных географических терминов» Э.М. Мурзаева в статье «Болван» приводятся параллели этому слову из тюркских, романских и славянских языков со значениями «идол», «большой валун», «скала, глыба», «бревно, чурбан», а также позднее — «герой, силач». В целом же лингвисты пока не пришли к общему выводу о праформе слова «болван», хотя отмечается, что оно часто

присутствует в ранних славянских топонимах: например, Болванский Городок в Вятской области или Болванский Мыс на берегу северной реки Печоры, где новгородские ушкуйники много веков назад отметили таким названием святилище самоедов⁴. А вот в Венгрии, где до мадьяр жили праславяне, место со стоящими до сих пор каменными славянскими языческими идолами именуется по-венгерски Бальванке или Балванёш⁵.

Наши, вологодские, Болванцы впервые упоминаются в «Сотной из писцовых книг Ф.Ф. Хидырщикова и Г.Л. Клементиева на земли Кирилло-Белозерского монастыря» от 1543/1544 г., где есть следующая запись: «Починок Болванцы на речке на Словенке, во дворе Ромашко Панфилов да сын его Истомка»⁶. Таким образом, название этой деревни просуществовало пять веков без каких-либо фонетических изменений, из чего можно сделать вывод о возможном появлении его еще до времени первой фиксации в XVI веке, когда до починка здесь было языческое святилище, на котором стоял идол, болван. Интересно, что река Славянка (более древняя форма названия — Словенка, от этнонима⁷ «словене новгородские») впадала до создания Череповецкого водохранилища в реку Шексну, с верхним течением которой связан факт уникальной во всех отношениях находки каменного идола⁸, который в настоящее время находится в одном из музеев Новгорода (в конце прошлого века Шексна протекала большей частью по Новгородской губернии). Фотоснимок этого изваяния есть в монографии Б.А. Рыбакова вместе с описанием подобного типа языческих скульптур, распространенных только на севере восточнославянских земель: «Это чрезвычайно упрощенные идолы, дающие лишь общую форму и едва намеченную личину. Характерным признаком является «шапка». Сущность их прямо связана с идеей рождения, жизни, урожая, что подтверждается множеством фольклорных материалов, начиная от ритуального коитуса на свежесасянном поле и кончая похоронами Ярилы в середине лета, когда старая рождающая сила зерна-семени уже перешла в новые колосья. Ярилу в этом образе изображали с огромным фаллом»⁹.

Подробнее о шексинском идоле рассказывается в книге археолога Н.А. Макарова, где есть хороший рисунок, а также описание его внешнего вида — это «мужчина с вытянутым лицом, на котором обозначены глаза, нос, рот и подбородок. Голова завершается полукруглой шапкой, придающей всей скульптуре четко выраженную

фаллическую форму. Общая высота идола около 70 сантиметров» (на этот размер мы еще обратим внимание ниже, в главе «Никольский рецепт непорочного зачатия» — А.К.). Далее автор говорит об обстоятельствах находки каменного болвана и о его предполагаемом первоначальном местонахождении: «Шекснинский идол разделил судьбу многих языческих изваяний, брошенных в воду во время принятия христианства. Место, где в 1893 году при расчистке русла Шексны обнаружили идола, приобретенного затем новгородским собирателем древностей В.С. Передольским, остается, к сожалению, неизвестным. Есть, однако, серьезные основания полагать, что идол — из древнего города Белоозера или его ближайших окрестностей. Район Белоозера был центром славянского населения, а каменные идолы, подобные шекснинскому, встречаются на территориях, занятых лишь славянами, а не финно-уграми»¹⁰.

Последний вывод из процитированного отрывка может помочь и языческой топонимике в случае с происхождением названия деревни Болванцы: на ее месте, скорее всего, было именно русское святилище, а не финно-угорское (или какое-нибудь другое, как в случае с самоедскими идолами и новгородским топонимом Болванский Нос — см. выше).

Приводится в книге Н.А. Макарова и текст полузабытого исторического сочинения XVII века — «Сказание о церкви Великого Василия и о вере», впервые опубликованного в курсе «Русской истории» В.О. Ключевского, где есть такие слова: «А на Белеозере жили люди некрещеные, и как учили креститься и веру христианскую спознавати, и они поставили церковь, а не ведают, во имя которого святого. И на утро собрались церковь свящати, а на речке стоит челнок, а в нем икона Василий Великий...» Затем, во время освящения «грянуло не по обычаю, они скочили и учили смотрети: ино в прежние лета ту было молбище за олтарем, береза да камень, и ту березу вырвало с корнем, да и камень взяло из земли да в Шексну и потопило. И на Белеозере то первая церковь Василий Великий от такова времени, как вера стала»¹¹.

Конечно же, текст сказания, сочиненный в свое время монахами Соловецкого монастыря, не надо воспринимать буквально. Если отбросить православную мистику, то смысл сказания довольно прост — в городе Белоозере языческое мольбище, состоявшее из священной березы и каменного фаллического идола, было разрушено первыми христианами, причем, как и в других княжеских центрах Древней

Руси (вспомним действия «странного» князя Владимира в Киеве и его посланца Добрыни в Новгороде), все это происходило после соответствующей «указки сверху». Для нас в сказании очень важно то, что языческий идол назван православными монахами просто «камнем», но об этом подробнее будет говориться ниже, в главе «Кого спас Камень».

Трудно сейчас представить, как в действительности выглядело языческое святилище-мольбище на реке Славянке у деревни Болванцы. Археологи до него не успели добраться, а на новых картах Вологодской области этой деревни уже нет. В середине 60-х годов, после строительства плотины у поселка Шексна возникло Череповецкое водохранилище, составной частью которого является так называемый Сизьменский разлив, подтопивший почти все нижнее и среднее течение реки Славянки. Деревня Болванцы тоже ушла на дно рукотворного моря и поди теперь узнай и разберись, какие памятники истории мы потеряли¹².

Однако о многом может сказать уже тот факт, что Болванцы находились в начале известного Словенского Волока из бассейна реки Шексны в бассейн Сухоны. Этот водно-волоковой путь, которым славяне пользовались с древнейших времен, включал в себя следующие составные части: река Славянка (Словенка), далее — озеро Никольское (святой Никола в позднейшей христианской традиции служил покровителем всех плавающих по водам), затем сухопутный волок длиной 4 км 500 м, приводивший на озеро Благовещенское (после этого праздника, приходящегося на 7 апреля по новому стилю, можно было начинать собираться в дорогу по освобождающимся ото льда рекам и озерам) и, наконец, река Порозовица (в старину также — Порозобица, возможно, от древнерусского «пороз» — баран, как прозвище человека или рода), впадающая в Кубенское озеро. Место для языческого святилища новгородские словене выбрали удачно — не лишним, видимо, по мнению наших далеких предков, было обращение к богам перед дальней дорогой на неведомый дотолле Восток.

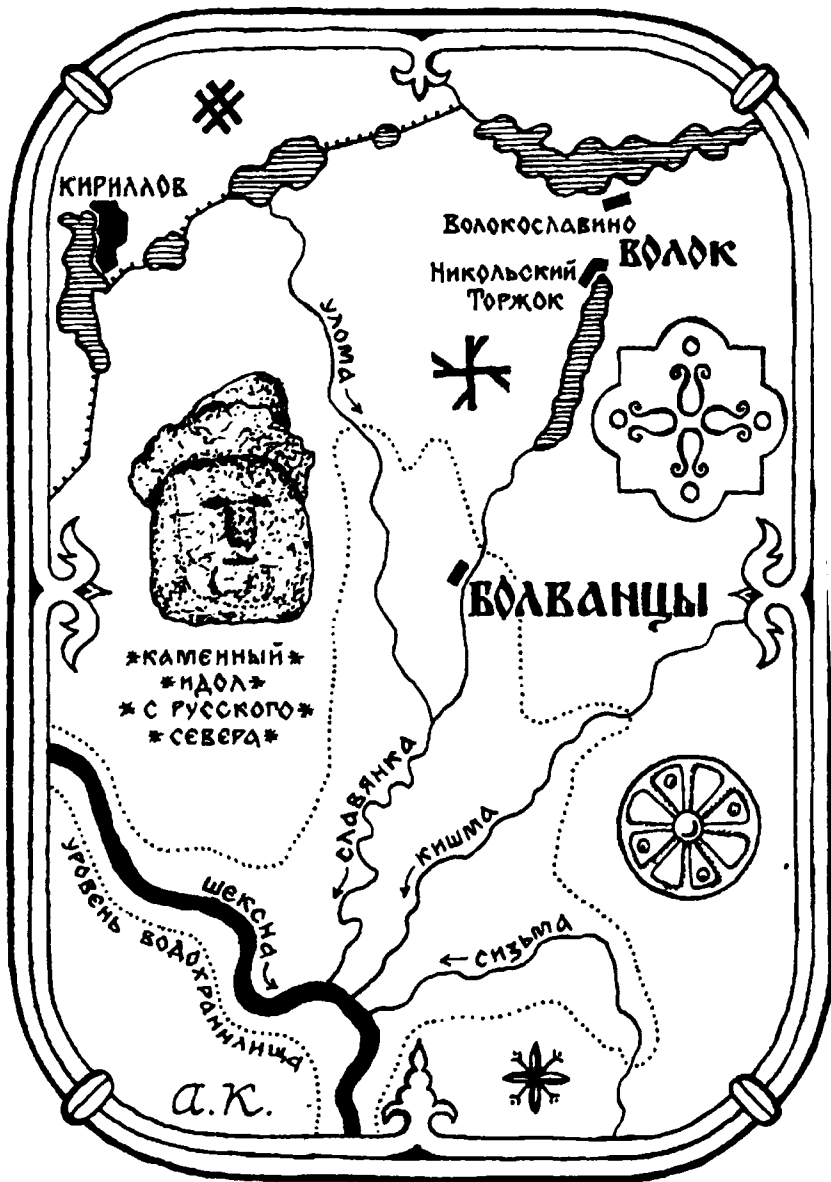
Интересно, что неподалеку от деревни Болванцы, всего в двух верстах ниже по течению Славянки, но на том же правом берегу реки, стояла другая деревня с типично новгородским названием Великий Двор. По мнению автора «Словаря географических названий Вологодской области» Ю.И. Чайкиной, подобные ойконимы в древности были не чем иным, как административным термином со значением

«усадьба крупного феодала; центр вотчины, в котором располагалась администрация боярина-землевладельца»¹³. Вероятно, расположение деревни Великий Двор поблизости от мольбища было не случайно, ведь и в Господине Великом Новгороде, на который всегда и всюду равнялись выходцы из метрополии, главное языческое святилище — Перынь — находилось не на территории самого города, а в ближайших окрестностях.

В целом, для топонимии района Словенского Волока характерны две основные черты: насыщенность, по сравнению с соседними местностями, древнейшими славянскими (новгородскими) названиями и то, что значительная их часть имеет явное сакральное происхождение, вне зависимости от религиозной принадлежности. Кроме смешения языческих и христианских топонимов на Словенском Волоке, подобное смешение, но уже непосредственно религиозных верований местных жителей отметили археологи после раскопок могильника XI — XIII веков у деревни Нефедьево, что расположена недалеко от озера Благовещенского и сухопутного волока. Из 113 исследованных погребений лишь в 22 были найдены предметы христианского культа — кресты-тельники и иконки-образки. Причем кресты в захоронениях появились только в XII веке, но в сочетании с остальными чертами обряда все же по языческой русской традиции¹⁴.

Продолжая тему о новгородцах-язычниках, заселявших таежный Север на рубеже тысячелетий, уместно будет привести отрывок из знаменитой в свое время книги священника Иоанна Верюжского «Исторические сказания о жизни святых, подвизавшихся в Вологодской епархии...»: «Предприимчивые новгородцы селились на берегах Вологды и Сухоны вместе с прежними жителями — идолопоклонниками. Но не любовь и усердие к распространению христианства, а жажда корысти и обогащения влекла их в дремучие леса Севера, они были более носителями цивилизации и торговли, нежели евангелия. По крайней мере, не дошло до нас ни малейших сведений о каких-либо христианских подвигах и миссионерской деятельности этих первых колонизаторов края, а образ их жизни мало мог привлекать к христианству простые сердца сынов природы. Неудивительно, что между местными жителями много было христиан только по имени, а около Кубенского озера даже в последней половине XIII века было весьма много язычников»¹⁵.

Вероятно, одной из возможных причин русской экспансии в

КИРИЛЛОВ

ВОЛОКОСЛАВИНО
НИКОЛЬСКИЙ
ТОРЖОК

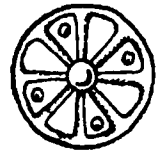
ВОЛОК

УЛОМА

КАМЕННЫЙ
ИДОЛ
С РУССКОГО
СЕВЕРА

ВОЛВАНЦЫ

СЛАВЯНКА

КИШМА

СИЗЬМА

ШЕКСА

УРБЕНЬ

ВОЙДТАНЛИЦА

А.К.

Заволочье, когда интенсивно осваивались бассейны рек Онега, Вага, Двина, Сухона, была и религиозная нетерпимость. Так же, как позднее староверы уходили в тайгу от реформ «антихриста Никона», после крещения Новгорода люди, решившие сохранить в своем сердце языческую веру, отправлялись за волока, где постепенно возникли новые поселения своеобразной Таежной Руси. Языческие традиции здесь передавались из поколения в поколение, несмотря на позднейшее противодействие православной церкви. Недаром же, большинство фольклорных материалов и произведений народного искусства с языческими пережитками в основе¹⁶ было собрано именно на Русском Севере.

Сам факт, что славянская колонизация тайги с ее коренным финно-угорским населением проходила достаточно мирно, без крупных военных столкновений, находит объяснение в первую очередь в том, что и русские, и таежные аборигены были язычниками. Известный этнолог Л.Н. Гумилев считал, что соприкосновение народов с разными религиозными верованиями никогда ни к чему хорошему не приводило (хотя, были и исключения), а народы, обращенные уже в христианство, неизменно затевали конфликты с язычниками по всему миру. Формула «И вси иные языци...», приведенная в древнерусской «Повести временных лет» летописцем-христианином, как раз и отражает это противопоставление православных славян языческим финно-угорским народам, проживавшим на северных окраинах Киевской Руси. Старославянское слово «языци» имело значение «народы не христианской веры», греческий аналог которому — «этнос»¹⁷. Итак, в таежном Заволочье язычники-русские вполне мирно уживались какое-то время с финно-угорскими «идолопоклонниками», по выражению православного священника.

В конце 1-й главы мы намеренно отошли в сторону от чисто топонимических проблем этой книги, чтобы показать исторические условия возникновения языческих названий. А в заключение еще одна цитата из работы вологодского искусствоведа А.А. Рыбакова: «По археологическим данным, заселение северо-восточных земель в X—XIII веках осуществлялось славянами, по преимуществу язычниками. Но, в отличие от местного финно-угорского населения, они в развитии религиозных верований к тому времени в значительной степени миновали стадию анимализма, в их представлениях уже существовал пантеон антропоморфных божеств. Поэтому если некоторое оживление древних анималистических и космогонических

культов в славянском искусстве XI — XIII столетий и имело место, то оно объясняется, с одной стороны, процессами ассимиляции аборигенов и, с другой стороны, возникшей под влиянием финно-угорской культуры своеобразной «новой модой», причем изначальная символика всех этих коньков и уточек, очевидно, уже не всегда ясно осознавалась. Было высказано предположение, что возникновение и распространение анималистических и солярных амулетов-оберегов в славянском быту являлось своеобразным протестом против насильственно вводимшегося христианства»¹⁸. Задача нашей книги — найти следы этого протеста и в русских топонимах, сохранившихся с тех далеких времен до наших дней.

ЛЕГЕНДЫ ЛЫСЫХ ГОР

середине прошлого века газета «Вологодские губернские ведомости» одной из первых в России в своей неофициальной части стала печатать разнообразные краеведческие материалы. В № 14 за 1865 год была помещена небольшая статья «Основание города Кадникова и его окрестности» за подписью В. Кичина. В статье содержится любопытная легенда, записанная автором недалеко от упомянутого города, в деревне Лисья Гора. Суть легенды в кратком изложении такова: «Женщина в расцвете лет жала рожь на Лисьей горе. В ту пору она была беременна. День клонился к закату, а полоса несжатой ржи не убывала. Женщина стала просить солнце задержаться на небе до тех пор, пока она не управится. Однако солнце продолжало свой путь и никак не реагировало на ее слова. Тогда женщина произнесла в его адрес несколько бранных слов и тотчас же окаменела».

По поводу этой легенды В. Кичин сообщает следующее: «У подошвы горы лежит огромный камень (почти сажень в длину и полтора аршина в ширину)¹, который местные жители называют Каменной Бабой. Невольное чувство страха овладевает ими, когда они приближаются к этому камню».

Другой вологодский краевед, современник процитированного автора, И.К. Степановский в своей книге «Вологодская старина», изданной в 1890 году, дополняет В. Кичина, по-видимому, собственными наблюдениями — в высоту одна половина камня больше другой и в таком «слабом подобии человеческой фигуры народная фантазия видит ясное изображение облика беременной женщины»².

Насколько удалось выяснить, за столетие, прошедшее после публикации этой легенды, никто не пытался рассмотреть ее с точки зрения научного анализа, а не с точки зрения православного краеведения, как это сделали В. Кичин и И.К. Степановский. В последние десятилетия в этнографии и фольклористике получил широкое распространение взгляд о том, что в основе любой легенды, былины, сказки лежат вполне реальные факты и представления из древнейшей истории народов, а при внимательном подходе к такому народному

историческому известию эти факты можно отпрепарировать от окружающей их фантастической, сказочной оболочки.

Прежде чем приступить к рассмотрению легенды о Лисьей горе с современных позиций, необходимо обратить внимание на ее название. По нашему мнению, между происхождением этого русского топонима и сюжетом легенды есть прямая связь, на которую прежде никто не обратил внимания. В. Кичии в своей статье пишет, что «Лисья гора, как говорят, оттого, что в старину на этом месте находился лес, в котором водилось множество лисиц». По сути дела, это пример народной этимологии³ географического названия, где смешались толкования от слов «лес» и «лиса». Но на Руси издавна известны десятки высоких холмов и гор с характерным названием Лысяя гора. Б.А. Рыбаков считает, что Лысые горы на территории славянского расселения служили священными языческими центрами с ярко выраженной мужской сущностью и были посвящены таким божествам, как Род (на юге, около Киева) и Перун (на севере, у Новгорода)⁴. Есть предположение, что такие, лишенные растительности на вершине холмы служили у русских язычников символом фаллоса. .

Бог Род упоминается в древнерусских поучениях XI—XII веков, направленных против реликтов язычества, как персонаж славянского пантеона, воплощающий единство рода и продолжение рода. Вместе с Родом всегда присутствуют его постоянные спутницы женского пола — рожаницы. Есть сведения, что жертвоприношения этим божествам делались едой (кашей, хлебами, сыром) или питьем (медом).

В Новгородских землях на вершинах Лысых гор стояли изваяния Перуна, бога грозы, покровителя воинских дружин и их предводителей — князей. Главным оружием Перуна были камни и стрелы, а также топоры (в древнерусских христианских текстах объединяемые словами «богомерзкие вещи»), которые он метал с небес в гнев. «Характерной чертой мифов и ритуалов, связанных с Перуном, является их соотнесение с возвышенностями, на которых ставили в древности идолы Перуна и его святилища. Перун почитался как высший бог, что видно и по его месту в списках богов», — говорится о Перуне в «Мифологическом словаре»⁵.

Судя по всему, на Севере, в новгородском Заволочье, Перун (возможно, не под этим именем или вообще без имени) у русских язычников воспринимался в первую очередь как солнечное божество, что и нашло отражение в легенде, записанной В. Кичиным. Если в

южных частях Руси для земледельца важнее всего было достаточное количество влаги, которой там летом не хватает, то в таежной Руси пахарь-язычник боготворил прежде всего солнце, ибо здесь при избытке влаги успех урожая зависел только от тепла, идущего от «косматого светила».

Отчего же все-таки «гора» около Кадникова именуется сейчас Лисья, а не Лысая, как можно предположить? Наверное, мы имеем дело с продолжавшейся много веков целенаправленной деятельностью христианских идеологов, прекрасно в свое время понимавших языческий смысл названия «Лысая гора» и поэтому постоянно подправлявших негодный топоним в письменной и устной речи до нейтрального значения — Лисья. Вполне возможно, что противоборство названий «Лысая — Лисья» когда-нибудь удастся обнаружить в источниках, но такие преобразования географических названий в Заволочье удавались не всегда и не везде... Впрочем, об этом чуть позже, а сейчас еще несколько слов о современном облике Лисьей горы.

На беду свою Лисья гора сложена песками и галечниками, отличным строительным материалом. И вот, за последние десятилетия на ее склонах появилось несколько карьеров — особенно велики они с северной и западной сторон. У подножья горы, где всегда были выходы подземных вод, — многочисленные родники (один из них, с железистой водой, до сих пор посещается православными, которые называют его Святым ключом — он заключен в сруб-часовню), сегодня усилиями мелиораторов периода «преобразования Нечерноземья» прорыты осушительные каналы. Все крупные валуны на склонах Лисьей горы оказались перемещенными в результате бездумной деятельности этих псевдо-созидателей. Стронута со своего места и Каменная Баба, к которой жители испытывали страх и уважение еще в конце прошлого века. Историко-ландшафтный комплекс Лисьей горы за годы Советской власти оказался на грани уничтожения, хорошо хоть церковный ансамбль остался в неприкосновенности. Христиане всего лишь сбросили языческого каменного идола с вершины Лисьей горы, зато усилиями умельцев из народа возвели на соседней вершине этой «двугорбой» горы свой архитектурный шедевр с храмом Ильи Пророка, за что вторую вершину и прозвали Ильинской горкой.

Известно, что после крещения Руси в народном сознании языческий бог Перун был заменен на христианского святого Илью. Этот

пророк «прославился» тем, что боролся с языческим жречеством и самолично заколол 300 жрецов. Современные «неохристиане» пугают обывателей якобы присущими славянскому язычеству кровавыми жертвоприношениями, о которых, тем не менее, нет достоверных исторических свидетельств, а вот преступления христианских святых и пророков как-то предпочитают не вспоминать, хотя та же расправа Ильи над жрецами запечатлена на иконах⁶.

С автомобильной дороги Вологда — Архангельск, к северо-западу от небольшого городка Кадникова, хорошо виден прекрасный ансамбль Ильинской церкви с колокольной и каменной оградой с воротами и башенками по углам. Кстати говоря, ограда эта — одна из немногих на Вологодчине, что сохранились до наших дней без переделок и разрушений. Поразительно, но солнечный культ, кроме легенды о Каменной Бабе, кроме названия церкви, когда Илья встал на место Перуна, нашел воплощение и в орнаменте этой церковной ограды, где на плоскостях между соседними башенками помещены ясные рельефные изображения восходящего и заходящего солнца (то есть по половине диска). А ведь ограда-то построена в начале нашего века! Вот наглядный пример того, что даже за многие сотни лет инородная религия так и не смогла до конца уничтожить в сознании (подсознании?) русских людей исконное славянское язычество: на ограде вокруг церкви влиятельного христианского святого изображается древний языческий символ солнца!

Итак, если вернуться к кадниковской легенде, то в ней на основе всех сведений, приведенных выше, можно выделить следующие смысловые блоки: беременная женщина — пора уборки урожая — путь солнца по небу — бранные слова — окаменевшая женщина. Неясным пока остается вопрос, почему здесь главной героиней стала женщина, хотя Лысые горы — это святилища мужского божества? Ответ на него можно найти в книге Б.А. Рыбакова: оказывается, новгородцы после крещения на месте святилища Перуна поставили не церковь св. Ильи, а храм Рождества Богородицы, ибо древнейшим местным божеством до установки в Новгороде идола Перуна Добрыней по прямой указке киевского князя, бывшего «робичича», Владимира, было женское божество плодородия⁷. Наверное, и под Кадниковом в древности происходило нечто подобное.

Ильин день, отмечаемый православной церковью 20 июля (2 августа по новому стилю), приходится на начало уборки зерновых на Новгородском Севере и в Заволочье, поэтому символ беременной

женщины с серпом в руке был необходим в легенде. Скорее всего, подразумевалась здесь как раз богиня плодородия, готовая разродиться новым обильным урожаем. Путь солнца по небу является отражением представлений наших далеких предков о солнечном божестве, неукротимо разъезжающем на огненном колесе, символом которого у славян была многолучевая свастика, изображенная, например, на ритуальном сосуде-календаре IV века из Ромашек под Киевом⁸. За бранными словами, несомненно, скрываются языческие молитвы, заклинания. Существует, например, гипотеза, согласно которой матерная брань в русском языке — пережиток некогда существовавшей языческой магической формулы обращения к богине-матери с просьбой оплодотворения земли. И, наконец, окаменевшая женщина в кадниковской легенде, — без всякого сомнения, это языческий идол, болван, стоявший на вершине холма в языческие времена.

В мифах многих народов луна, земля и вода трактуются как женское начало, а солнце, огонь и тепло — как мужское. В применении к описываемому случаю мы видим солнце, разгневавшееся на землю в облике беременной женщины. Почему возник этот конфликт, которому, собственно, и посвящена легенда?

Дело тут, видимо, вот в чем — предание это явно происходит уже из христианского периода истории нашего края, так как языческие символы и божества поданы в нем не с лучшей стороны. Целью легенды, видимо, было осуждение языческого почитания святилища на Лысой — Лисьей горе, которое продолжалось, несмотря на проводимую сверху политику внедрения на Руси новой государственной религии. Одним из методов борьбы при этом было искусственное столкновение старых идеалов, старых верований друг с другом, что мы и видим в легенде.

* * *

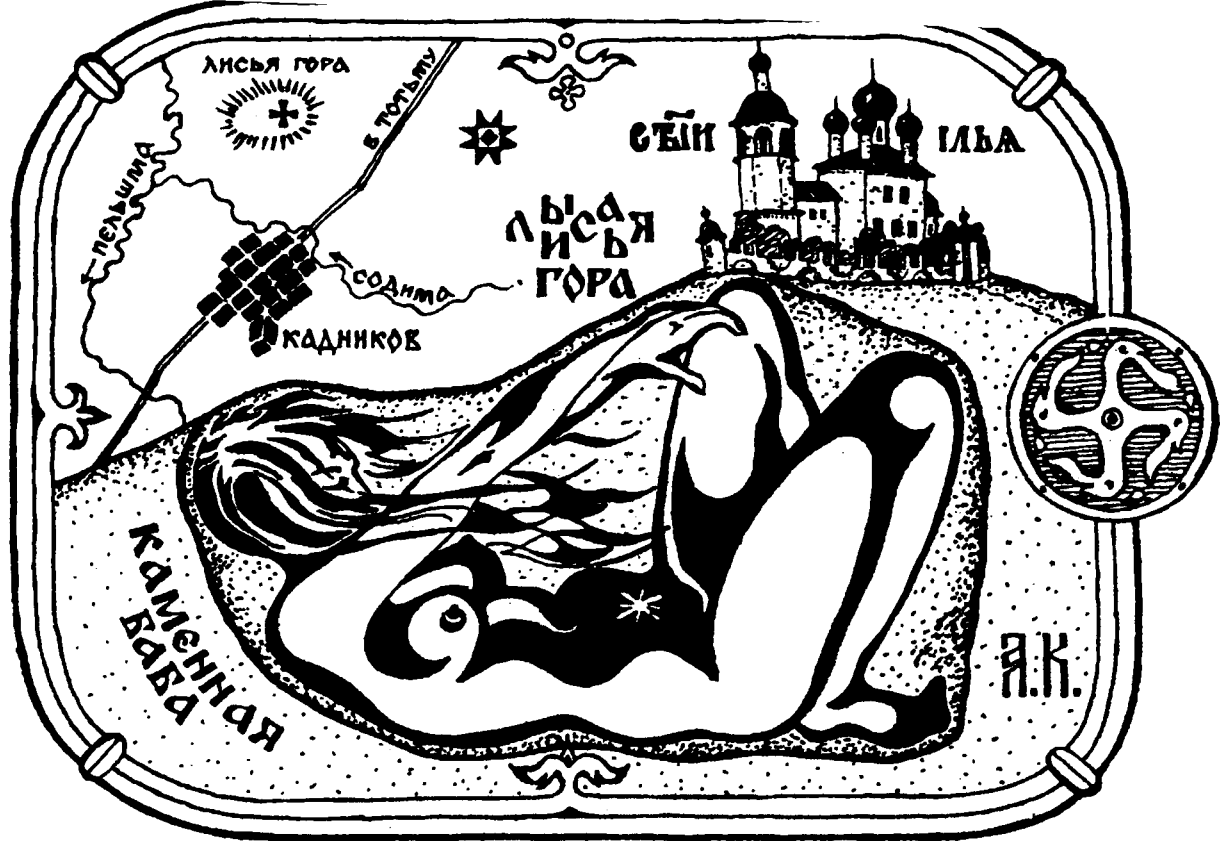
Перенесемся теперь на 35 километров западнее Кадникова, в устье реки Кубена. На ее левом берегу, среди плоской низменности, окружающей Кубенское озеро, возвышается еще одна Лысая гора, название которой в отличие от кадниковской осталось неизменным до настоящего времени. Гора эта увенчана Богородицким храмом с высокой стройной колокольней. В писцовой книге Заозерской половины Вологодского уезда от 1627 — 1630 гг. есть запись о существовавшем в те годы монастыре Пречистой Богородицы на Лысой горе⁹.

Вологодский ученый-краевед Н.В. Ильинский, изучавший в 20-е годы луга по берегам Кубенского озера, писал, что от церкви Богоматери на Лысой горе до церкви в деревне Святая Лука (об этом топониме подробнее см. в главе «Языческая смесь»), находящейся в истоке реки Сухоны, тянется песчаная гряда в господствующем направлении озерного берега, длиной «верст на 15, что прекрасно видно на глаз с колокольни Лысогорской церкви»¹⁰. Таким образом, с точки зрения геологии, Лысая гора — это наиболее возвышенная часть древнего берегового вала, намытого течениями и прибоем огромного послеледникового Пра-Кубенского озера.

Естественно, что, когда в устье реки Кубена появились лодьи и ушкуи новгородских словен, ландшафт этих мест уже мало отличался от современного. Песчаная Лысая гора была идеальным, с точки зрения язычников, холмом для создания святилища, и оно было устроено.

В упоминавшемся ранее краеведческом сборнике И.К. Степановского «Вологодская старина» приводится несколько народных преданий о второй Лысой горе в Кубенском Заозерье: «Недалеко от деревни Чирково, на берегу реки Кубены, в 4—6 верстах от устья ее, находится значительное песчаное возвышение, защищенное при подошве своей от напора весенней воды рядами больших камней... Название Лысой некоторыми местными жителями объясняется тем, что гора имеет голую песчаную вершину, но существует предание, что будто бы белозерский князь Глеб Василькович въехал на крутизну этой горы на «лысом» коне и назвал гору «Лысой», другие же говорят, что прозвание горе дано в честь самого князя, который был лыс. Существует также предание, что здесь, на горе, стоял некогда женский монастырь во имя Афанасия и Кирилла, патриархов Александрийских, но «наны» полонили лысогорских монастырок и самый монастырь разрушили...»¹¹.

В этих разрозненных и недосказанных легендах, тем не менее, тоже заложена древнейшая языческая сущность. Надо отдать должное И.К. Степановскому, сумевшему собрать и записать их, сохранив таким образом на века. Как и в Кадниковской легенде, здесь ясно ощущается противопоставление мужского и женского начал, в виде «лысого князя», камуфлирующего, несомненно, верховное языческое божество фаллического типа, и неких «монастырок» из женского монастыря, который мог возникнуть на месте дохристианского языческого святилища в честь богини плодородия.

ЛЕСЬЯ ГОРА

В ТОРЪМУ

СѢН

ИЛѦ

ЛЫСЯ
ГОРА

ПЕЛЪШМА

СОДИМА

КАДНИКОВ

КАМЕННАЯ
БАБА

Я.К.

Основное отличие Лысой горы в устье Кубены от соседнего языческого центра в том, что здесь стоит не церковь Ильи Пророка, а церковь Богородицы (полное название из источников XIX века — Афанасьевская Богородицкая), то есть аналогично случаю в Новгороде при замене там язычества христианством. Неудивительно, что и в православии покровительницей землепашцев официально считалась именно Богородица, заменившая собой языческую богиню плодородия, имя которой, возможно, было Макошь или Мокошь.

Сейчас можно только строить предположения о том, какие обряды совершались на вершинах Лысых гор русскими язычниками тысячу лет назад. Наверное, были и торжественные шествия по склону холма к каменным или деревянным изваяниям, установленным на самом высоком месте, и возжигание священных костров в определенные дни года, связанные с основными точками солнечного колдовства, и песнопения, посвященные солнцу-отцу и земле-матери... Но единственная возможность что-то узнать достоверно о языческом прошлом Лисьей и Лысой гор — археологические раскопки (при всех их недостатках). Так как места языческих мольбищ заняты сегодня православными храмами, то вместо раскопок можно провести хотя бы разведки в окрестностях гор — вспомним сообщение о больших валунах у подошвы Лысой горы — вдруг в этих каменных россыпях специалисты обнаружат языческого болвана, сброшенного в древности с вершины? А еще Степановский писал о могилах «страшных разбойников, имя одного — Корелка», над которыми на склоне Лисьей горы стояли заостренные столбы: что если это захоронения чуди, судя по приведенному имени? Вполне возможно, что до славян эти святилища использовались и таежными аборигенами...

На западном склоне Лисьей горы, в верхней части стенки карьера виден мощный культурный слой почти черного цвета с включениями углей, уже почти полностью, если оценить размеры песчаной выемки, уничтоженный дорожниками. Конечно, дело археологов разобраться в происхождении этих отложений — следы ли это языческих кострищ или возникли они в более позднее время, однако вскоре может так оказаться, что и исследовать-то будет нечего...

И еще хочется сказать о том, что упомянутая в цитате из книги И.К. Степановского деревня Чирково, близ которой находится Лысая гора, существует до сих пор — но административному делению последних десятилетий она относится к Митенскому сельсовету Усть-Кубенского района. В писцовой книге Вологодского уезда от

1678 года Чирково занесено в состав Закушской волости, которая лежала по левому берегу Кубены и по речке Куште¹². Самое же интересное, что в древности Чирково было центром удельного ярославского княжества, известного под названием «Заозерье Кубенское». К чему все эти сведения? Если вспомнить, что Перун был покровителем князей, то выбор княжеского центра у подножья Лысой горы представляется далеко не случайным. Языческие верования и в княжеской среде сохранялись еще, по-видимому, несмотря на часто формальное крещение, долго, и в то же время именно князей идеологи церкви за их «языческие грехи» выставляли в качестве миссионеров. Подробнее об этом будет рассказано в следующей главе нашей книги.

В окрестностях Кубенского озера удалось обнаружить еще два топонима, аналогичных кадниковскому и усть-кубенскому. В Заднесельской волости Вологодского уезда в писцовой книге XVII века отмечена деревня Лисья Гора¹³. До наших дней она не дожила, поэтому остается надеяться на память местных жителей: какой из холмов Туровских гор, расположенных в центре Усть-Кубенского района, носил такое название? Вторая Лысая гора находится около деревни Кулемесово, шестью верстами южнее Кубенского озера, уже в пределах современного Вологодского района. С этой горой связана Васильевская церковь, что на реке Едке (в местном произношении — «на Етке»).

Последнее церковное название входит в логичную цепочку самых первых христианских агитотопонимов¹⁴ на побережье Кубенского озера. Это церковь Антония Великого близ устья реки Порозовицы, Афанасьевская Богородицкая церковь в устье Кубены и церковь Василия Великого у кулемесовской Лысой горы. В «Православной богословской энциклопедии», тома которой выходили в свет в начале XX века, святые Антоний, Афанасий и Василий, кроме определений «Великие» имели еще почетные для христиан титулы «отцов церкви». Поэтому-то первые церкви на берегах Кубенского озера и получили их имена. Можно вспомнить и белозерскую Васильевскую церковь, поставленную взамен языческого изваяния, о чем говорилось в первой главе книги. Все эти «отцы церкви» прославились нетерпимостью к иноверцам и гонениями на язычников¹⁵.

В заключение стоит назвать еще три языческих топонима, дополнительных сведений о которых пока разыскать не удалось: это Лысая гора в трех километрах от села Щегинское на юго-востоке Череповец-

кого района и деревня Лысая Гора (рядом с которой есть деревня Тушная Гора) на западе Вашкинского района. Еще одна Лысая гора надежно фиксируется названием деревни Лысая гора на юге Верхонважского района, в бывшей Чушевице-Покровской волости¹⁶. Ныне эта деревня заброшена. Вполне возможно, что и эти топонимы указывают на былые мольбища язычников.

* * *

Если, вслед за Н. В. Ильинским, подняться на стройную колокольню лысогогорской Богородицкой церкви и посмотреть на запад, в сторону Кубенского озера, то там, среди свинцовых вод, вы увидите маленький остров с развалинами строений знаменитого Спасо-Каменного монастыря... О нем — следующая глава нашей книги.

КОГО СПАС КАМЕНЬ

ологодские советские краеведы времен социалистического реализма в своих произведениях нещадно эксплуатировали древнюю легенду об основании Спасо-Каменного монастыря. Вот характерный образец подобного «реализма» (без указания автора): «Давным-давно дело было, в незапамятные времена. Потерял здесь новгородский князь дружину. Прижали его враги к воде, грозят пленом. А он и бросился вплавь через озеро... Да разыгралась буря страшная, и стал князь тонуть. Пришла к нему сама неминуемая. Тогда взмолился о спасении князь — и произошло чудо. Озеро стихло, словно прислушалось к человеческим воплям, и ощутил воевода под ногами каменистое дно. Это дно подымалось, подымалось, пока не стало островом в безбрежной пустыне. «Камень спас!» — воскликнул пораженный новгородец. Так и зовут этот остров Спас-Камнем». По сути дела, это даже не народная этимология, а нечто еще более низкое, то, что известный русский писатель Лесков уже в прошлом веке называл «лыгендами».

Правда, какой-то большой сводной исторической работы о Спасо-Каменном монастыре пока не создано, хотя написано разными авторами об этом православном центре за последние сто лет немало. Цель нашего очерка — раскрыть происхождение названия острова, поэтому в области сведений из истории монастыря сошлюсь на небольшую, но хорошо написанную статью московского архитектора-реставратора А. Асафова, бывшего инициатором восстановления этого уникального памятника русского зодчества: «Монастырь основан правнуком Всеволода Большое Гнездо белозерским князем Глебом Васильковичем в 1260 году¹, во время Великого княжения Александра Невского. Летописец сообщает, что Глеб Василькович спасался на этом острове от бури, которая застала его на Кубенском озере. Остров уже не был пустынным, и на нем обитало 23 инока, занимавшихся проповедью христовой веры среди побережных жителей-язычников. На средства Глеба Васильковича была построена деревянная церковь в честь Преображения Господня. Надо отметить, что Спасо-Каменный монастырь — один из самых старых монастырей на Севере...» (из газеты «Вологодский комсомолец», 1984. № 129).

Большинство краеведов и ученых в своих работах об этом монастыре использовали первоисточник — «Сказание известно о Каменном монастыре и о первоначальниках Каменного монастыря», принадлежащий перу яркого религиозного деятеля конца XV века Паисия Ярославова. «Сказание» написано им в 1481 году, но летописью, как утверждали раньше вологодские краеведы, это произведение, конечно же, не было. Давайте теперь дадим слово самому старцу Паисию: «В лето 6850-е (т.е. в 1342 году от Р.Х. — А.К.) князь Глеб Борисович² внук князя Константина Ростовского Всеволодовича иде в судех рекою Порозовицею (т.е. преодолев вначале Словенский Волок — А.К.) в Кубенское озеро. А стоял десять дней зане тогда во озере волны велики нелзе итти в судех, на том месте иде стоит церковь Антоней Великий. И оттоле поиде по Великому озеру и как будет на Карачевской пучине и по устроению божию воздвижеся туча велия от западных страны с ветром силным и громом страшным и молниями зелными, яко княжим насадом (тип древнерусского судна — А.К.) покрыватися волнами. Князь же нача молитися со своими людьми всемилостивому богу и обеты полагати, чтобы избавил от толика бяды, одержащия его: аще господь принесет его в кои день ко берегу в того имя поставлю церковь и монастырь устрою. И благоволением божиим принесе его ко острову Каменному зовому августа в 6 день (по старому стилю — А.К.). Бе же на острове том старцы пустынножители числом два десять три. И церкви у них несть за скудость имения и нападения неверных человек. Еще бо тогда не вси приняша святое крещенье, но много множество живущих неверных человек вскрай Кубенского озера великого по берегам. Но у них был молитвенный храм, сиречь часовня, и тамо собирающеся старцы молитвы возсылающе богу втай. Приста же князь ко острову Каменному зовому и виде, яко по усмотрению божию сия быша приведе его бог, и хотя обет свой исполнити, еже обещася господу богу. И посла мужи древоделя и постави церковь древяну во имя господа бога и Спаса нашего Исуса Христа боголепного его преображения»³.

Л.Н. Гумилев считал, что «древние авторы всегда писали свои сочинения ради определенных целей и, как правило, преувеличивали значение интересующих их событий»⁴. Сочинение Паисия Ярославова в этом отношении типично: автор был христианином, поэтому он сочувствует «пустынникам» на острове, которые страдали от нападений «неверных», а так как христианство на Руси было

ЦЕРКОВЬ БОГОРОДИЦЫ НА ЛЫСОЙ ГОРЕ

государственной религией, то действия князя Глеба он явно идеализирует и преувеличивает их значение для последующей истории.

Однако происхождение названия Спасо-Каменного монастыря и острова Спас-Камень у Паисия какое-то двойственное: с одной стороны, он совершенно справедливо связывает эти топонимы с днем прибытия князя на остров — 6 (19) августа в день праздника Спасо-Преображения, а с другой, — все-таки, следуя за народной этимологией, сближает слова «Спас» и «спасение». На самом деле это всего лишь омонимия.

Теперь несколько слов о дохристианском названии острова, его значении, в большей мере символическом, и происхождении. Форма топонима, которую использует в своем произведении Ярослав, скорее всего поздняя — типичная для русских религиозных сказаний. Вроде бы вполне реалистично выглядит обоснование этого географического названия и у И. К. Стенановского в «Вологодской старине»: «По геологическому устройству остров состоит весь из щебнистого, каменистого кряжа, почему издревле и называется Каменным, а монастырь, от острова и главного храма своего, во имя Преображения Господня в старицу именовался Спасокаменным, или просто — Спас на Каменном»⁵. Но можно и не согласиться с мнением этого знаменитого краеведа. Вероятно, первоначально у славян-язычников остров носил название Камень, ибо до сих пор дожила народная форма топонима, не указанная И. К. Степановским — Спас-Камень, что дает возможность предполагать связь этого названия с верховным божеством славян, одним из воплощений которого был как раз КАМЕНЬ. Косвенное подтверждение этому есть в упоминавшемся уже в 1-й главе книги русском православном сочинении о белозерской церкви Василия Великого, где языческий идол назван просто «камнем».

Конечно, на Вологодчине есть десятки Каменных речек, несколько деревень, в названиях которых присутствует данная основа, но, кроме острова на Кубенском озере, да еще вологодского внутригородского топонима Камень (о нем — в следующей главе), нет географических названий, чья история была бы так тесно связана с языческими и христианскими религиозными преданиями. Есть все основания утверждать, что остров Камень в древности был языческим славянским святилищем Перуна (совсем не обязательно, чтобы имя этого божества употреблялось в наших краях в подобной форме, важно само положение его в пантеоне). Если с этой точки зрения проанализировать «Сказание» Паисия Ярославова, то в нем нетрудно обнару-

жить следы былого язычества и борьбы с ним новой религии. Первые христианские миссионеры, которым удалось, видимо, захватить остров-мольбище, впоследствии стали испытывать трудности: молились в тайне (и это спустя века после «крещения Руси!»), подвергались нападениям «неверных» (эта формулировка типична для всех религий — вспомним хотя бы аналогичное наименование в Коране для всех немусульман) язычников, у которых оставалась еще известная читателям Лысая гора, а было их — «много множество». Попытки возратить святилище на острове Камень, без которого Лысая гора в устье Кубены теряла свою религиозную целостность, видимо, предпринимались язычниками с «берегов» Кубенского озера неоднократно, что, скорее всего, и вызвало просьбы первых христиан к церковным идеологам Ростовского княжества послать к ним представительную миссию во главе с князем, а самое главное — с воинской дружиной для наказания «неверных», которые ну никак не хотят принять «истинную веру»!

«Во второй половине XII века наблюдается возрождение язычества в городах и в княжеско-боярских кругах», — пишет в своей монографии Б.А. Рыбаков, и он же делает вывод, что с XII по XIV век, когда Древняя Русь испытывала сильный этнический кризис, языческие верования теснили христианство по всей стране⁶. Естественно, что на окраинах государства это явление наблюдалось более ярко.

Итак, миссия во главе с князем Глебом отправилась в Кубенское Заозерье укреплять пошатнувшуюся веру. Случайно или специально подгадав к празднику Преображения Господня, князь со свитой из идеологов церкви «учреждает» на острове Камень первый мужской монастырь в крае, а на Лысой горе — женский (вспомните предыдущую главу книги), перекрыв, таким образом, языческие святилища мужского и женского божеств, тесно связанных друг с другом.

Маршрут миссионерского путешествия князя Глеба дальше пролегал по Верхней, или Рабангской, Сухоне, где его дружина якобы дважды спрямляла русло реки с обязательной установкой памятных крестов на перекопах. Таким образом как бы «крестилась» вся земля, вся местность, в надежде на то, что уж если люди здешние пока пребывают в язычестве, то, обратив в новую веру саму окружающую их природу, язычникам деться будет некуда. Вероятно, что и привлечение самого князя к этой миссии явилось своеобразным наказанием со стороны церковных пастырей за его «грехи», за «отступления» от православной веры, для которых в княжеской среде было раздолье.

С воцарением в России новейшей, коммунистической, религии архитектурный комплекс Спасо-Каменного монастыря ждала та же участь, что и языческое святилище, уничтоженное много веков назад также при смене религий. Наглядный пример того, что история повторяется на уровне человеческих предрассудков, зачастую оформленных в виде различных религиозных и политических учений.

В заключение отметим любопытную топонимическую параллель, тесно связанную с темой завершеного очерка. На другом большом вологодском озере, похожем на Кубенское и формой, и размерами, на озере Воже, также есть остров с названием Спасский. Освоение берегов озера Воже христианами миссионерами происходило позже, чем на Кубенском, поэтому и остров на нем назвали в честь Спас-Камня, бывшего оплота в борьбе с язычеством. Первым на Воже пришел преподобный Мартиниан (в миру Михаил, родом из села Березняки, что стоит как раз на берегу Кубенского озера) и на пустынном острове основал обитель Преображения Господня⁷, взяв за образец, несомненно, Спасо-Каменный монастырь...

КАМЕНЬЕ ДА РОЩЕНЬЕ

осле исторической победы на Куликовом поле в течение нескольких веков окончательно сформировался современный русский этнос, было создано единое Московское государство, а православие окончательно утвердилось в роли государственной религии и основной этнической идеи. В это же время территория Вологодчины из бывшей окраины превращается в один из центральных регионов нового государства. Уже говорилось, что массовое строительство деревенских церквей в нашем крае развернулось с конца XIV — начала XV веков. Таким образом, лишь через пять веков после крещения Руси православная церковь сумела создать в бывшем языческом Заволочье свою разветвленную идеологическую систему.

Очень часто храмы ставились на месте языческих святилищ, а новые праздники приходили на смену старым. По этой же причине в некоторых церковных топонимах остались языческие черты, зачастую трудно уловимые. Подобные названия носят несколько церквей города Вологды, есть они и в других городах и селах нашей области.

Этот уголок старой Вологды на Верхнем посаде, в глубине квартала, по-соседству с прудами на месте старинного городского рва, привлекает внимание многих любителей зодчества своей типично вологодской деревянной архитектурой и двумя церквами. Они стоят рядышком — Ильи Пророка в Каменье и Варлаама Хутынского. Ансамбль этот довольно оригинален: стили, в которых созданы храмы, настолько сильно отличаются друг от друга, что все исследователи вольно или невольно отмечали этот факт. Вот, например, строки, принадлежащие Г. Бочарову и В. Выголову: «Миниатюрная церковь Ильи Пророка, построенная около 1698 года на месте оставшихся от строительства Грозного (имеется в виду царь — А.К.) «каменных припасов», привлекательна своей простотой и незамысловатостью. Небольшое одноглавое здание с низкими пристройками оформлено достаточно скупно. В этом — главное очарование храма. Иной художественный облик имеет изысканно нарядная и эффектная церковь Варлаама Хутынского, сооруженная в стиле раннего петербургского классицизма. Построена она в 1780 году»¹.

Надо сказать, что деревянные церкви с названиями в честь Ильи

Пророка и Варлаама Хутынского существовали на этом самом месте и раньше², поэтому отличие в архитектурном облике храмов может быть объяснено просто: раз построены они с разницей почти в столетие, то за это время и архитектурный стиль, мода не могли не измениться. В какой-то мере это свидетельство справедливо, если бы не... пояснение к названию церкви Ильи — «В КАМЕНЬЕ» (в говоре вологжан ударение ставится в данном топониме на первом слове). Во всех без исключения краеведческих публикациях приводится лишь одно объяснение — храм якобы построен на месте оставшихся от строительства, затеянного в Вологде самим Иваном Грозным, камней для закладки фундамента городских стен. Для примера процитирую Г.К. Лукомского: «На месте Ильинского монастыря при Иване Грозном было навалено множество известкового камня, из которого царь замышлял построить каменную стену (невероятно! — А.К.) вокруг Вологды, когда намеревался тут и основать столицу. Камень постепенно от собственного веса (так! — А.К.) ушел в землю, появились повсюду постройки, окончательно скрывшие царскую затею. Только в прозвании церкви Ильи Пророка да в случайных глыбах, открываемых до сих пор в местностях от Ильинской церкви до Владимирской (далее везде — А.К.) сохранилось о нем напоминание»³. Позволим все же не согласиться с этой распространенной версией, и вот почему...

Пояснение к названию храма Ильи не входит в церковную топонимическую систему города того времени: известно имя другой вологодской церкви, местоположение которой тоже связывается с остатками извести от строительства Софийского собора — Никола на Извести (в XIX веке переосвящена во имя Александра Невского). В таком случае, если бы добавление к названию церкви Ильи Пророка было одновременно по происхождению с Никольской, оно имело бы другую форму — «на Камнях». Форма «в Каменье», которую мы имеем на самом деле, характерна для русского языка более древнего периода, чем Московская Русь. В Вологде есть другое церковное название, входящее в такую древнерусскую систему (а системность в топонимии — великая вещь!) — речь ниже, в этом же очерке, пойдет о храме Иоанна Предтечи в Рошенье.

Илья Пророк, небесный громовержец в христианской мифологии (вспомним тучу с «молниями зелными», которая грозила князю Глебу, не пускала его на Перунов Камень, спущенный в Кубенское озеро!), заимствовавшей многое от язычества, кроме огня, молнии и

грома, всегда был связан и с камнем. Легенды о том, что молния после удара в землю превращается в «громовой камень», дожили до наших дней. Известный русский писатель С.В. Максимов, автор очерков народного быта, создает такой запоминающийся образ св. Ильи: «На огненной колеснице могучий седой старец, с грозными глазами, разъезжает из конца в конец по беспредельным небесным полям, и карающая рука его сыплет с надзвездной высоты огненные каменные стрелы, поражая испуганные сонмы бесов и преступивших закон Божий сынов человеческих»⁴.

Логично предположить, что в далекие языческие времена перво-насельниками-славянами на берегах реки Вологды было создано святилище, посвященное небесному божеству — Перуну. На местности оно могло быть отмечено несколькими валунами, выполнявшими роль идолов, болванов. Святилище называлось Каменье. Глубинный смысл этого топонима отражает его связь с верховным повелителем славян.

Идеологи христианства «застолбили» место отправления языческих обрядов в честь Перуна храмом его православного аналога св. Ильи Пророка, но постарались сделать его по возможности малопривлекательным для верующих. Более того, на протяжении трех столетий Каменье было превращено, как и остров Камень, в монастырь с деревянной столчатой оградой, доступ куда оказался и вовсе ограничен. И лишь монахи в тишине замаливали «грехи» своих предков-язычников. Когда же монастырь в 1738 году упразднили, вскоре рядом с маленькой и невзрачной церквушкой Перуна-Ильи вознеслась ввысь нарядная и эффектная Варлаамо-Хутынская церковь. Особо стоит отметить выбор святого Варлаама, новгородского чудотворца: по мнению вологодских краеведов А. Мирова и А. Мухина, именно эта часть древней Вологды с центром на Ленивом Торжке принадлежала новгородцам⁵, возможно, еще с языческих времен. Православная церковь всегда придавала большое значение отвлечению внимания простого народа от мест бывших языческих мольбищ, иначе чем объяснить, что именно Варлаам, известный борец с «поганым» язычеством, был объявлен святым покровителем города Вологды.

* * *

В книге священника Иоанна Верюжского о святых Вологодского края есть фраза о том, что когда преподобный Герасим, «отец Вологды» по версии православной церкви, пришел на берега этой таежной реки в начале XII века, он узнал, что местные жители имели «недостаточные и младенческие представления о вере и жизни христианской, а поблизости к посадам в селах находилось очень много язычников»⁶. Одним из возможных реликтов язычества в Вологодском Окологородье является топоним Бесов лес. До сих пор в современном парке Мира есть Бесов ручей и Бесова поляна, название которых, вероятно, связано с деревней Бесово, зафиксированной в переписной дозорной книге Вологодского уезда от 1589—1590 гг.⁷ В краеведческом словаре «Вологда: XII—начало XX века» приводится предание, связывающее происхождение этих названий с религиозными обрядами дославянского, финно-угорского, населения, «бесовскими» с точки зрения христиан⁸. Однако определение «играния бесовские» в христианской русской средневековой литературе чаще относилось все-таки именно к «своим», а не «чужим» язычникам. Известно, что в 1358 году духовенство Новгорода добивалось того, чтобы «новгородци утвердишася межю собою крестным целованием, что им играния бесовские не любити...»⁹.

Б.А. Рыбаков считает на основе анализа древнерусских памятников письменности, что в христианские времена под названием «бес» скрывался языческий славянский бог Род¹⁰. В нашем, вологодском, случае интересно, что Бесов лес находится неподалеку от места другого языческого мольбища — Каменья. Возможно, в древности между ними была какая-то связь.

* * *

Обратимся теперь к другому языческому топониму на территории Вологды, входящему в состав полного наименования церкви Иоанна Предтечи, что в Рошенье. В знаменитой «Повести временных лет» летописец-христианин так отзывается о своих братьях по крови, но язычниках: «Бяху же погани, жруще озером и кладезем и рощением якоже прочии погане». Поклонение рощам и отдельным деревьям на Руси не смогло сломить никакое христианство, и через пятьсот лет после этой летописной заметки архиепископ Новгородский Макарий жаловался в письме Ивану Грозному: «Слышав прелесть кумирскую

около окрестных градов Великого Новагорода. Во всей Русской земле скверные молбища идолские разорены, а в Чуди и в Ижере и в Кореле и во многих русских местах скверные молбища идолские удержашася и до царстве великого князя Василия Ивановича (1505—1533 гг. — А.К.). Суть же скверные молбища их лес и камене и реки и блата, источники и горы и холмы, солнце и месяц и звезды и езера. И проста рещи — всей твари покланяхуся яко богу и чтяху и жертву приношаху кровную бесом — волы и овцы и всяк скот и птицы...»¹¹.

Упомянутые в этих древних произведениях «рощение» и «камене» как нельзя лучше подтверждают возможность существования языческих святилищ в Каменье и в Рошенье на том месте, где позднее выросли городские кварталы Вологды.

Храм Иоанна Предтечи широко известен своими настенными росписями. Вот характерная цитата, посвященная творению неизвестного русского художника: «Передо мной на стенах разворачивалась жизнь — кипучая, буйная, скандальная, страстная... Буйствует плоть, впервые вышедшая из канонических складок византийской одежды. Сладострастные старцы, укрываясь в тени кустов, подглядывают за купающейся Сусаной, которая нежит свое пышное и томное тело. Забавляют народ скоморохи...»¹². Все без исключения искусствоведы и не искусствоведы, писавшие о росписях церкви в Рошенье, отмечали их нетрадиционность, глубокую народность, но так и не нашли какого-то достойного объяснения этому уникальному факту. Наша версия, как нетрудно догадаться, лежит в русле темы этой книги. Почему бы не предположить, пускай и на символическом уровне, что в рощенском храме, поставленном явно на месте языческих празднеств в честь Ивана Купалы¹³, замененного в христианстве на Иоанна Предтечу, такие смелые росписи стали как бы последней вспышкой языческих купальских костров, заживавшихся на вершинах холмов и в лесах в самую короткую ночь года (24 июня по старому стилю, 7 июля — по новому).

«Купальские игрища совершались в честь солнечной свадьбы, одним из актов которой было купанье солища в водах», — пишет С.В. Максимов¹⁴ об этом, пожалуй, самом значительном языческом празднике славянского мира. А ведь на стенах церкви в Рошенье библейские персонажи, попав на русскую почву, сами того не зная, сильно грешат, веселясь от души среди изображений буйных трав, деревьев, фантастических ягод и винограда! «Вот святые — и на земле, по которой они ступают, растут цветы — богатейшая флора —

2. ЦЕРКОВЬ
ИОАННА ПРЕДТЕЧИ

А.К.

РОЩЕНЬЕ

Часть плана гор. Вологды 1896 года

р. Вологда

1896 года

р. Золотуха

КАМЕНЬЕ

1. ЦЕРКОВЬ МАРИ
ПРОРОКА

огромные махровые чашечки, колокольчики, розы, цветы-плоды, мясистые фантастические тюльпаны, изогнувшиеся под тяжестью своих ярких, напоенных лепестков. Вот лес фантастический — скалы, поросшие кустарником, летают стаи птиц, присели тихо кролики, выступают важно, изящно олени» — от этих строк, принадлежащих перу Г.К. Лукомского¹⁵, так и веет славянским язычеством, и уж никак все это непохоже на скучную, пустынную Палестину, родину героев древнееврейского народного эпоса. Интересно, что жизнь самих православных идеологов Вологды в старину не отличалась проповедуемым в Библии аскетизмом — имеется свидетельство, что в 30-е годы XVII века знаменитый русский монах Иван Нератов, прославившийся своей борьбой с «погаными» и «бесовскими» скomorоxами, попал на игрище в доме самого вологодского архиерея. «Ретивый монах, пытавшийся помешать празднеству, был избит его участниками до полусмерти и выброшен на улицу», — рассказывает Р.Л. Садоков в своей статье «Веселые скomorоxи»¹⁶. Таким образом, росписи в Иоанно-Предтеченской церкви могли быть списаны прямо с вологодской «натуры».

В современном русском языке слово «рощенье» уже не употребляется, не зафиксировал его в языке великороссов и В.И. Даль при составлении своего толкового словаря в середине прошлого века. По всей видимости, слово «рощенье» существовало только в древнерусском языке, что говорит о глубокой древности вологодского топонима Рощенье. Из дошедших до нас памятников письменности можно восстановить первоначальное значение этого слова — так наши предки называли отдельно стоящий лес, где совершались языческие празднества в честь растительного мира, способного умирать и возрождаться вновь в течение одного солнечного коловорота. Правда, Ю.И. Чайкина обнаружила в картотеке «Словаря русских народных говоров» (СПб., Институт языкознания РАН), что в северорусских говорах слово «рощенье» имеет значение «древнее кладбище, могильник»¹⁷, но и оно явно связано с периодом язычества, когда в таких рощеньях, возможно, хоронили людей не по православному похоронному обряду, а по языческому.

Любопытно, что рядом с храмом Иоанна Предтечи на Сенной площади (в годы Советской власти — площадь Революции) стояло еще три церкви — Афанасия Александрийского, Николая Чудотворца и Спасо-Всеградский собор. Православие таким образом и здесь стремилось «оттянуть» паству от места языческого святилища, пус-

кай уже и «окрещенного» в новую веру, в другие храмы, посвященные другим христианским мученикам и чудотворцам. По иронии судьбы именно эти церкви оказались разрушенными «священной коммунистической инквизицией», а вот язычески-христианская осталась.

* * *

Теперь пора заняться вопросом, а нет ли названий, подобных вологодскому Рошенью среди наших деревень? И действительно, уже в сборнике «Административно-территориальное деление Вологодской области на 1 января 1973 года» удалось найти деревню Рошенье в Чучковском сельсовете Сокольского района¹⁸. Затем, в очень подробном и хорошо изданном «Списке населенных мест Северного края» 1931 года, в Чучковском сельсовете Свердловского района (поселок Свердлово позднее стал одной из составляющих города Сокола) этой деревни обнаружить не удалось, что заставило обратиться к «Списку населенных мест Вологодской губернии» 1859 года. Загадка оказалась не такой уж и сложной, ибо у деревни Рошенье было второе название — Паюсово. В списке 1859 года были даны оба ойконима¹⁹, а в списке 1931 года помещено только название Паюсово²⁰.

Важные сведения для определения географического положения второго вологодского Рошенья содержатся в писцовой книге Мольской волости Тотемского уезда 1623 года, где есть такие строки: «Пустошь Паюсова под Погостом на реке на Моле на сенном оброке. Сельцо Покровское на реке Моле, а в нем церковь, да двор попа, да 4 кельи и 7 дворов крестьянских»²¹. Следовательно, рядом с мольским Рошеньем стояла церковь Покрова.

Дальнейшие поиски Рощений долго не приносили никаких результатов, пока в телефонном справочнике (!) Тотемского района совершенно случайно не попалось на глаза название «деревня Ращенье» в Вожбальском сельсовете. Ни в одном из перечисленных выше источников третьего, вожбальского, Ращенья разыскать не удалось. Как это часто бывает в топонимических исследованиях, одна загадка рождает другую, а ответ в таких случаях лучше всего искать непосредственно у местных жителей. Пришлось ехать на Вожбал, что находится в самом центре Тотемского района.

А там выяснилось, что как таковой деревни Ращенье нет вовсе, а телефон тот принадлежит механизированному мастерским колхоза

(теперь бывшего) «Родина», выстроенным на окраине центральной усадьбы хозяйства деревни Кудринская. Окраина эта представляет собой вершину самого высокого в округе холма. Испокон веку эта вершина в народе и называется Ращенье. Отличие в произношении и написании вожбальского топонима вполне объяснимо, ведь однокоренными словами являются и «рост» и «растение». Но можно сделать предположение, что в форме Ращенье по каким-то причинам сохранилось центрально-русское «аканье», а в других топонимах замена гласных звуков в первом слоге произошла под влиянием северорусского (а первоначально — новгородского) «окающего» говора.

Почти все деревни Вожбальской волости, а их около двух десятков, видны с вершины холма Ращенье. Лес на нем был сведен, видимо, уже сотни лет назад, и только на самой вершине, по воспоминаниям старожилов, был небольшой сосновый бор, благо холм сложен крупнозернистыми песками. С севера и востока огибает холм река Вожбал, русло которой тут и там в жаркий летний день поблескивает на солнце. Светлая лента нового гравийного шоссе переброшена через Ращенье в перекрестном направлении к реке. Если приближаться к Вожбалу со стороны Тотьмы, то холм этот будет справа, а по левую руку, на вершине еще одного вожбальского холма, хорошо видна издалика Благовещенская церковь, выстроенная в знаменитом в узких кругах стиле «тотемского барокко».

Старинная Мольская волость была больше Вожбальской раза в два. Сегодня она лежит в центре Сокольского района, а раньше считалась крайней волостью Тотемского уезда, граничила с Кадниковским уездом. Сходство Мола, как ее до сих пор называют в окрестных деревнях, с Вожбалом в том, что и здесь есть один высокий холм, выделяющийся среди других возвышенностей волости. Правда, расположен он не в центре, а на самой окраине волости, да и церковь построена тут не на соседнем холме, как на Вожбале, а прямо на вершине этой примечательной «горы».

В наши дни Покровскую Мольскую церковь хорошо видно с новой асфальтированной дороги Вологда—Тотьма, проложенной чуть севернее старинного погоста, но, надо признать, что со старой дороги, которую местные жители до сих пор зовут Большой, вид на холм и церковь был более живописным из-за глубокой долины речки Мола, чей исток находится в ближайшем болоте. В 70-е годы в непогоду шоферы проклинали эти два мольских угора: глина и крутизна останавливали любую машину.

Покровская церковь — самая западная представительница архитектуры «тотемского стиля», на стенах ее еще можно увидеть замысловатые каменные узоры — клейма или картуши. К сожалению, храм находится на грани разрушения. Старое кладбище заброшено, церковная ограда уничтожена до основания...

Еще одно сходство мольского холма с вожбальским в том, что сейчас он тоже безлесен, но, судя по всему, и на нем раньше стоял сосновый бор-роща. Интересные сведения об этой местности содержатся в «Материалах для оценки земель» начала XX века: «По данным разрезов колодцев в деревне Бурдыково мощность глиняного наноса 8 сажень, тогда как в бок о бок расположенном Рощенье — один песок до 7 сажень. Также в близком отсюда селе Покровском воды не нашли до 12 сажень, причем все время шел песок»²².

Итак, песчаные холмы, поросшие сосновым лесом, привлекали язычников на празднества, посвященные растительному миру матери-земли. На этих же холмах, возможно, устраивались кладбища. Конечно, внешнее сходство двух высоких холмов в разных волостях еще ни о чем не говорит (мало ли похожих «горок» с церквями на вологодской земле!), но невыразительное пока внешнее сходство приобретает совершенно особое значение, когда мы узнаем, что вершины этих холмов носили в древности одинаковые названия. В Вологде ведь тоже, несмотря на относительно небольшую высоту, Рощенье с церковью Иоанна Предтечи в пределах города было все-таки одним из самых возвышенных мест — на террасе речной долины, сложенной все тем же песчаным грунтом.

Любопытно, что в Вологде была еще одна церковь с пояснением «в Рощенье» — Кирилла Белозерского. Стояла она на правом берегу реки в конце улицы Рощенской (в последние десятилетия — Советский проспект)²³, которая шла как раз по речной террасе. Таким образом, Рощеньем называли не только «пяточок» около Иоаннорожественской церкви, но и всю возвышенную гряду, идущую от реки Золотухи до района речной пристани.

Хорошо зная о языческом смысле слова и топонима Рощенье, русская православная церковь и Московское государство пытались препятствовать распространению языческих народных названий даже после того, как древние мольбища были уничтожены, а на их месте воздвигнуты церкви новой веры. Исконные русские названия, прямо или косвенно связанные с языческими представлениями об окружающем мире, старались не упоминать в деловой письменности, а там, где

это было невозможно, искажали их (вспомним Лисью гору, а в следующих главах будет приведено еще несколько примеров таких искажений). Названия все-таки «выжили», устно передаваясь из поколения в поколение и позднее, когда противостояние язычества и христианства стало неактуальным, а государственные чиновники, — может быть, более аккуратными, в документы часто попадало уже двойное имя деревни, как в случае с мольским Рощеньем — Паюсовым. Интересно, что в начале XX века, после гонений на православную церковь со стороны новейшей, коммунистической, религии и отхода значительной части народа от христианства, «всплывали» именно первичные, народные, названия, что, в частности, отразили списки деревень Северного края 1931 года.

К месту можно вспомнить и неудачные попытки переименования церкви Ильи в Камень и переосвящения церкви Иоанна Предтечи в Рощенье. У И.К. Степановского есть следующие строки по этому поводу: «Ильинская, что в Камень, или иначе в Горах, церковь находится на довольно возвышенной местности, от которой и получила название «в Горах»²⁴. В этой цитате зафиксировано официально-церковное название храма св. Ильи, не связанное с языческим прошлым, но довольно надуманное — назвать «горой» местность около этой церкви можно лишь с большим воображением. Известно и второе название церкви в Рощенье: Алексия Митрополита²⁵, что, несомненно, отражает попытку замены «подпорченного» язычеством Иоанна на христианского праведника Алексия.

Подбор христианских праздников, которым посвящены церкви в Рощеньях Вологды, Моля и Вожбала — Благовещение (7 апреля по новому стилю), Рождество Иоанна Предтечи (7 июля) и Покров (14 октября) — случайным тоже не назвать. Так или иначе, все три праздника трех языческих Рощений имеют прямую связь с представлениями древних славян о рождении, расцвете и отмирании растений по сезонам года, тесно связанным, в свою очередь, с высотой солнца над горизонтом и количеством солнечной энергии, поступающей на землю.

Несмотря на «смену вывески», суть Благовещения, «купальских дней» и Покрова и у русских христиан оставалась все той же. В народных обрядах пережитки язычества наиболее четко проступали именно на этих годовых праздниках (хорошие описания есть у С.В. Максимова, Д.К. Зеленина и других авторов). Если пофантазировать, то, наверное, и на вершине вожбальского Ращенья собира-

лись люди в самом начале весны, поминали умерших предков, на первых проталинах в сосновом бору жгли огромные костры — просили Солнце присоединиться к этому земному огню и быстрее растопить накопившийся за зиму снег. Белой ночью приходили наши «прадедки» в вологодское Рощенье праздновать время расцвета растительного мира — есть сведения, что в старину на Руси пик родов у женщин приходился на конец марта — начало апреля, перед Благовещеньем, то есть через девять месяцев после Купалы... Среди огромных сосен Рощенья на Моле местные жители проводили празднества в честь собранного урожая, и дым от костров, на которых варили пищу, зависал среди убеленных первым снегом сосновых веток...

Наконец, скажем пару слов о четвертом Рощенье, на месте которого побывать пока не привелось. Этот топоним удалось обнаружить в писцовой книге Вологодского уезда от 1627 — 1630 гг., где в Катромской волости есть запись о «деревне Подрощенье, Некрасовская тож, во дворе монастырской слушка Харка Улянов»²⁶. Так как в других списках деревень, вплоть до настоящего времени, эти названия больше не упоминаются, очевидно, деревня Подрощенье запустела в середине XVII века и не возродилась уже никогда. А топоним-то очень интересный!

Судя по всему, служка Харька (от полного — Харитон) жил на склоне высокого холма, на вершине которого находилось в древности языческое святилище с кладбищем — Рощенье. По названиям соседних деревень (1627 год — Митинская, Тереховская, Мишутинская, Конечная; 1974 год — Митиха, Терешиха, Мишутиха, Конечная) можно установить, что искать место, где стояла деревня Подрощенье надо в современном Слободском сельсовете Харовского района²⁷. Вполне возможно, местные жители еще помнят топонимы Рощенье или Подрощенье.

КЛЮЧЕВАЯ ВОДА ПРЕДТЕЧИ

от строки из стихотворения Николая Рубцова, с которых, собственно, и начал закручиваться весь тот клубок сведений и фактов из разных областей знания, который и будет раскрыт перед читателями в этом очерке. Стихотворение называется «На автотрассе», опубликовано впервые в газете «Вологодский комсомолец» за 9 декабря 1968 года:

... Я шел, свои ноги калеча,

Глаза свои мучая тьмой.

— Куда ты?

— В деревню Предтеча.

— Откуда?

— Из Тотьмы самой...

Часть литературоведческая: Во всех произведениях Рубцова встречается чуть больше десятка географических названий — Никола, Сухона, Тотьма, Вологда, Архангельск, Сибирь, Бия, Унжа, Москва и др. Нетрудно заметить, что в стихах поэт упоминает только те места, где он непосредственно бывал в течение своей жизни. По-видимому, название небольшой деревни в Верхнетолшменском сельсовете (а в народе просто — Верх-Толшма) Тотемского района вставлено в стихотворение «На автотрассе» не только ради эффектной рифмы, но и в память о ее посещении Николаем Рубцовым лично.

Часть географическая: Деревня Предтеча стоит на крутом правом берегу реки Толшма, неподалеку от устья небольшой речки Синьгойма (или Синьгома). До села Никольского, в народе называемого Никола, где воспитывался в детдоме будущий великий русский поэт, расстояние небольшое — всего 12 километров. Может быть, Рубцов бывал в Предтече в детстве, в походе вместе с другими воспитанниками? Е.И. Брагина (Семенихина), бывшая в 40-е годы пионервожатой в детском доме, вспоминает, что «старшие ребята любили походы. Хаживали до устья Толшмы, вычерчивали план реки. Идут, а впереди — разведка, и Коля здесь...»¹. Правда, Предтеча от Никольского вверх по реке, но, наверное, были походы и туда. Тем более, что в деревне и ее окрестностях есть на что посмотреть...

РАЩЕНЫЕ

ТОТЬМА

→ ОЖЕВА

→ ЦАРЕВА

→ ТАФТА

Вожбальская
Благовещенская
церковь

→ СУХОМА

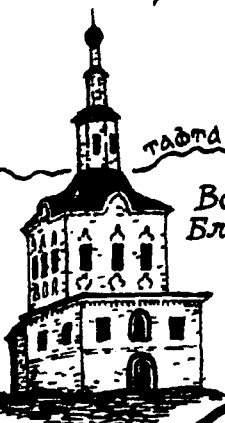
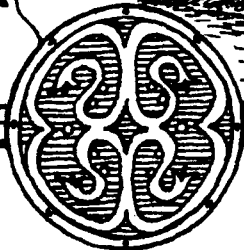
Церковь
Иоанн. Предтечи
на реке
Покышке

Сходятся
многие реки иже (Кова
и Желкова) по
зорям и в ночи
каредей ствуют
и в громкое
громление ка ре-
ках и озерах
кхаются

→ ПОЛИНА

ПРЕДТЕЧА

А.К.

Часть архитектурная: Несмотря на то, что вокруг Предтечи стоят дремучие леса, главы и кресты двух ее церквей в старину (еще не так уж и далекую) были видны над вершинами деревьев с расстояния больше десяти верст. Почему «были»? Да потому, что на высокой деревянной церкви Иоанна Предтечи кресты в последнее время еле держатся, а на соседней кирпичной («теплой») церкви несколько лет назад сгорели все деревянные перекрытия и купола. Огонь пожара, виновником которого были какие-то дикие туристы, чудом не перебросился на стоящую в двадцати метрах деревянную церковь. Тушить было бы некому — несколько жителей приезжают в Предтечу только в отпуск, на лето. Как ни странно, а ведь Иоаннорожественская церковь — одна из двух деревянных храмов, сохранившихся на территории обширного Тотемского района². Тем не менее, ни в одной краеведческой публикации о ней нет даже упоминаний. Сейчас храм поставлен на учет как памятник архитектуры и, возможно, когда-нибудь его даже отреставрируют (!?). Но не поздно ли будет, ведь огромные валуны пока еще держат нижние задубевшие от времени венцы сруба, но внутри церкви, где не так давно располагался склад удобрений колхоза «Путь к коммунизму», все уже прогнило насквозь.

Часть историческая: Старая волость Толшма в Тотемском уезде XVII века отличалась от других волостей огромными размерами — в ней было целых шесть церковных приходов! Большинство из них — Благовещенский, Христорождественский, Вознесенский, Успенский и Алексеевский, как это можно видеть на карте «Тотемского уезда с подразделением на Благочиния и с обозначением приходов» 1891 года³, располагалось в центре больших и малых гнезд толшменских деревень. Церковь же Рождества Иоанна Предтечи была возведена в глухом углу волости, где и деревень-то вначале не было вовсе. Только потом, уже вокруг храма, стали появляться дворы духовенства и крестьян. Название деревни как раз и говорит о том, что первично здесь церковное освоение местности. Интересно, что в Вологодской области других ойконимов Предтеча нет, хотя названия деревень по церковным приходам типа Благовещенье, Вознесенье и проч. распространены широко. А большой деревня Предтеча так никогда и не стала — по данным 1859 года в ней было всего 4 двора, где жили 10 мужчин и 10 женщин⁴. Некоторый расцвет деревня испытала в начале XX века. В «Списке населенных мест...» 1931 года она под названием Предтеченский Погост была приписана к Купеков-

скому сельсовету Толшменского района, недавно созданного и вскоре ликвидированного. Было тогда в деревне 28 дворов при 40 мужчинах и 89 женщинах⁵ (возможно, тут закралась какая-то ошибка или опечатка в источнике). Главная загадка деревни состояла все-таки вот в чем: почему христианские идеологи прошлого проявили такое повышенное внимание к этому безлюдному месту на берегу реки Толшма и «застолбили» его храмом Иоанна Предтечи?

Часть геологическая: Все местные жители, а их, как уже говорилось, осталось немного, главной достопримечательностью деревни наряду с архитектурным ансамблем двух храмов считают многочисленные родники с кристально чистой водой, бьющие из-под обрыва прямо у деревянной церкви. С геологической точки зрения этот обрыв можно действительно отнести к разряду памятников природы, так как здесь одно из немногих на юге Тотемского района обнажений очень древних горных пород⁶. Это мергели светло-серого и ярко-бурого цветов, образовавшиеся много миллионов лет назад на дне теплого моря пермского периода геологической истории. Именно из слоев мергелей в самом низу обрыва правого берега Толшмы и вырываются «на свет божий» чистейшие подземные воды.

Ключи есть и под обрывами на речке Синьгойме (от лопарского слова «сиэнг» — узкая), неподалеку от деревни. Там лежит огромный валун, из-под него бьет родник, водой которого поили больных людей: если после этого человек шел на поправку, считалось, что он еще долго будет жить, а если улучшения не наблюдалось, то становилось ясно — не жилец (чем не «живая-мертвая» вода русских сказок?). Несомненно, эти уникальные родники и привлекали сюда первых переселенцев славянского роду-племени в те далекие времена, когда их душами владели Перун, Купало и Мокошь.

Если посмотреть на карту Вологодской области, то легко заметить два основных водно-волоковых пути из бассейна реки Волга, из Низовских земель, на Сухону. Первый из них в средневековых документах именуется «Лежский Волок» и вел с реки Костромы на реку Лежа через реки Монза и Вохтога. Второй путь соединял верховья реки Костромы с верховьями Толшмы и использовался с глубокой древности⁷. Поэтому славянское население пришло на берега Толшмы, по всей видимости, еще в те времена, когда языческая вера на Руси не угасла.

Часть религиозная: Деревенским праздником в Предтече, по воспоминаниям местных жителей, был Иванов день 7 июля. По

ИВАНОВСКАЯ ГОРКА КИРИЛЛА БЕЛОЗЕРСКОГО

дна из архитектурных реконструкций известного архитектора С.С. Подъяпольского посвящена Кириллову монастырю около 1600 года. Опубликована эта акварель в книге «Великая государева крепость»¹. Прошло два века после того, как Кирилл, монах московского Симонова монастыря, пришел на берег Сиверского озера и основал здесь монастырь, впоследствии ставший одним из самых знаменитых на Русском Севере. В левой части художественной реконструкции хорошо виден высокий холм с церковью Иоанна Предтечи на вершине и скромная деревянная келья Кирилла, притулившаяся у подножья холма. Рядом — Сиверское озеро и впадающая в него под самым холмом речка Свияга. Почему Кирилл выбрал для поселения именно это место, этот холм?

О Кирилло-Белозерском монастыре, как и о Спасо-Каменном, написана уже целая гора краеведческих и научных исследований. По традиции, не будем пересказывать исторические факты своими словами, а лучше дадим высказаться другим авторам на тему об основании монастыря на берегу Сиверского озера: «Свернем-ка влево да узкой тропкой на пустыре, через пролом в невысокой кирпичной стене выйдем к зеленой Ивановской горке — к древним истокам монастыря. На склоне крутого холма под кронами старых-престарых берез приютились два деревянных сооружения. Одно из них — вся в трещинах, потемневшая часовня. По преданию, срублена она самим Кириллом, что пришел в эти края в 1397 году. Кирилл выбрал этот лесной холм на скрещении путей из центра земли Русской к «полуночным странам» — Поморью и Заонежью. Уже сам факт наводит на мысль, что выбор Кирилла был определен не столько характерным для монахов-отшельников стремлением к уединению, к полному отрешению от мира и от дел мирских, сколько дальновидной земной целью»².

«Кирилл — в миру Козьма — выходец из знатного боярского рода Вельяминовых. С опозданием дался ему сан священника, а затем и архимандрита (! — А.К.). Высокое иерархическое положение не принесло удовлетворения, и Кирилл добровольно отказывается от него (?! — А.К.). Новый архимандрит Сергей, завидуя растущей

популярности Кирилла, начал на него «негодовать». И вот, одаренный, экзальтированно настроенный и слишком поздно замеченный московским обществом монах решился на подвижнический акт, о котором давно неосознанно мечтал. Искал ли при этом Кирилл независимости своим действиям, хотел ли временного уединения, бежал ли от зависти — как бы то ни было, но он, по-видимому, еще при жизни стал знаменит как герой содеянного подвига. Кирилл выбрал приглянувшуюся ему горку и «начаша копати келию в земли». Ближайшие окрестности были тогда безлюдны и полны дикой поэтической прелести. «Место же оно, иде же святой Кирилл вселися, бор вяше великий и чаща и никому же ту от человек живущу, место убо мало и кругло, но зело красно, всюду яко стеною окружено водами». Поначалу пустыннонику пришлось трудно. Один из завистников пытался поджечь келью Кирилла, другой посылал лихих разбойников для грабежа...»³.

Такие длинные отрывки из чужих публикаций понадобятся нам, чтобы отыскать в них явные противоречия, а также крупницы действительных исторических фактов и по-новому взглянуть на действия старца Кирилла, которого современные «неохристиане» хотят сделать «святое всех святых». В рамках темы нашего очерка самое главное — это название холма, на котором он поселился. Связь с культом язычески-христианского Ивана Купалы для нас очевидна (см. предыдущие главы книги), к тому же красочное описание Ивановской горки в житии святого — высокий холм, поросший сосновым лесом и окруженный со всех сторон водой, — наглядно свидетельствует о том, что наверняка здесь, еще задолго до Кирилла, собирались русские язычники на игрища, уже известные читателям по описаниям, цитировавшимся раньше.

Возможно, у Кирилла действительно были какие-то трения с высшими церковными чинами в Москве и его, в наказание, отправили на все еще сопротивляющийся христианству Север с миссионерской целью. Все «грехи» могли быть прощены только после «побед» над язычниками. Авторы приведенных выше отрывков из книг противоречат сами себе, на одной странице говоря о якобы глухих и незаселенных местах в окрестностях Сиверского озера и в то же время — о нападениях на Кирилла неких «разбойников» и «завистников». Однако район Словенского Волока, выгодный во всех отношениях, освоен был славянами за несколько веков до Кирилла и заселен именно язычниками (вспомним деревню Болванцы!). Естественно,

язычникам никак не могло понравиться то, что некий старец-монах вытесняет их с места, облюбленного издавна для купальских игрищ — отсюда и нападения, поджоги. Надо только удивляться, как Кирилл вообще остался жив.

Спутник Кирилла, Ферапонт, был послан в Озерный край с той же целью обращения «поганных» соотечественников в «истинную» веру. Ведь рядом с Ферапонтовым монастырем высится Цыпина (Соколиная) гора, а на ней была Ильинская церковь. Не напоминает ли это Лисью гору с храмом св. Ильи на месте языческого святилища Перуна? Цыпина гора усеяна могучими валунами. Что если некоторые из них, или всего один, были языческими идолами? Впрочем, в данном случае больше вопросов, чем ответов, так как кроме названия Ильинской церкви да ее явно «языческого» географического положения других фактов, подтверждающих это предположение, пока нет.

Любопытные сведения есть и о другой горе, что прекрасно видна от стен Кириллова монастыря в той стороне, где садится солнце. С.П. Шевырев, академик, специалист по русской словесности, побывал в 1847 году в Кириллове и Белозерске. В своей книге об этой поездке он описывает среди всего прочего и «восхождение» на гору Мауру, где на вершине «лежит огромный камень, каких встречаешь много в нашей северной природе. На этом камне означен след ступни человеческой. Народное предание говорит, что это след ноги самого Кирилла...»⁴

Камни-следовики встречаются и в других местах России⁵. По мнению некоторых исследователей, изображения человеческих ладоней и ступней на них являются отражением древних языческих культов, посвященных предкам. Есть также мнение, что камни-следовики были посвящены богу Велесу. Без сомнения, камень на вершине горы Мауры лежал там задолго до Кирилла, как, кстати говоря, лежит и до сих пор. Имя знаменитого святого было привязано к данному объекту поклонения язычников искусственно, в качестве своеобразного «крещения».

Из других топонимов монастырских окрестностей, которые могут быть связаны с дохристианскими верованиями, надо назвать еще Бабье озеро и Поклонную гору. Первое сегодня известно под другим названием, очень характерным с точки зрения замены языческих топонимов на христианские — озеро Покровское. Лежит оно почти на «задворках» современного города Кириллова, на трассе Северо-Двинского канала. Древнее имя озера сохранилось в актовом источ-

ЦЕРКОВЬ ИОАННА ПРЕДТЕЧИ

никах, например в сотной из писцовых книг 1544 года, где есть запись о «Деревне Оксеново на берегу Бабья озера»⁶. Ныне деревня Аксеново стоит там же, что и прежде — на южном берегу озера, только озеро уже именуется по-другому — Покровское, вероятно, по названию деревенской церкви. По мнению Б.А. Рыбакова, такие географические объекты, как озера и горы (холмы) с названиями Бабье, Бабья отражают древнее языческое посвящение их богине-матери, роль которой у славян выполняла Макошь⁷. Поэтому христианское название церкви на берегу бывшего Бабья озера — Покрова святой Богородицы — скорее всего продолжает первоначальную топонимическую традицию, ведь в новой вере русского народа Макошь была заменена именно Богородицей.

Неподалеку от озера Егорьевского (оно же Шидьерское) на дороге из Кириллова в Белозерск есть Поклонная гора⁸. Обычно подобные топонимы (а Поклонные горы есть на подъездах ко многим российским городам) толковали только с чисто христианской символикой: на таких горах, с которых проезжий люд впервые видел какой-либо город — цель своего путешествия, клали земные поклоны в благодарность Богу за удачную дорогу. Но вот у одной из Поклонных гор в Псковской области есть второе название — Мокрый Илья⁹, которое в своем происхождении имеет явный языческий подтекст. Возможно, в будущем найдутся некие факты и о кирилловской Поклонной горе, свидетельствующие о ее языческом прошлом.

ОТ УСТЮЖНЫ ДО УСТЮГА

ва города в разных углах Вологодской области имеют очень похожие названия — Устюжна и Устюг. Сходство это усиливается, если вспомнить, что в старину Устюжна нередко именовалась Устюгом Железным из-за железоделательных промыслов в округе. Оба города стоят в устьях рек — Ижины и Юга — отсюда такая схожесть в топонимах. Но есть и другая историческая особенность, которая тоже сближает эти два древних города: в церковных названиях Устюжны и Устюга остались следы русского язычества.

В старину в Устюжне в вешнее заговинье, в понедельник Петрова поста существовал обычай обливаться водой на улицах всем жителям без разбору. Об этом устюженском «безобразии» сообщал в своих путевых заметках «По Северу России» около ста лет назад К.К. Случевский. Он же сделал вывод, что, возможно, такое купанье горожан связано с древним языческим культом Купалы, чье капище могло стоять на Стрелке, при слиянии рек Ижины и Мологи¹, где до сих пор видны остатки валов и рвов древнерусского городища, датированного по культурному слою XI—XII веками.

Видимо, не прислушались устюжане к грозному предупреждению из сборника религиозных поучений «Стоглава», прозвучавшему еще в XVI веке: «В первый понедельник после Петрова поста (так называемый праздник «играющего солнца» — А.К.) в рощи ходят и в наливки (ключи, родники — А.К.) бесовские потехи деяти. Чтобы в рощи не ходили и в наливках бесовских потех не творили, понеже все то прелесть бесовская, а православным христианам не подобает тако творити»². Любопытное предание, связанное со Стрелкой, приводит в книге об Устюжне и Устюженском уезде И.Ф. Токмаков: «Рассказывают, что в половине XVI века (как раз время составления «Стоглава» — А.К.) царь Иван Грозный ходил на богомолье в Тихвинский монастырь и на обратном пути был в Устюжне. Окидывая глазами город, остановился на Городище и, пленясь его видом, спросил, что это за укрепление; когда же ему объяснили, что здесь по преданию было капище Купалы, а после первый христианский храм в Устюжне, он сказал: «На месте капища должен сиять Крест Христов». Потому и назвали церковь в честь Воздвижения животно-

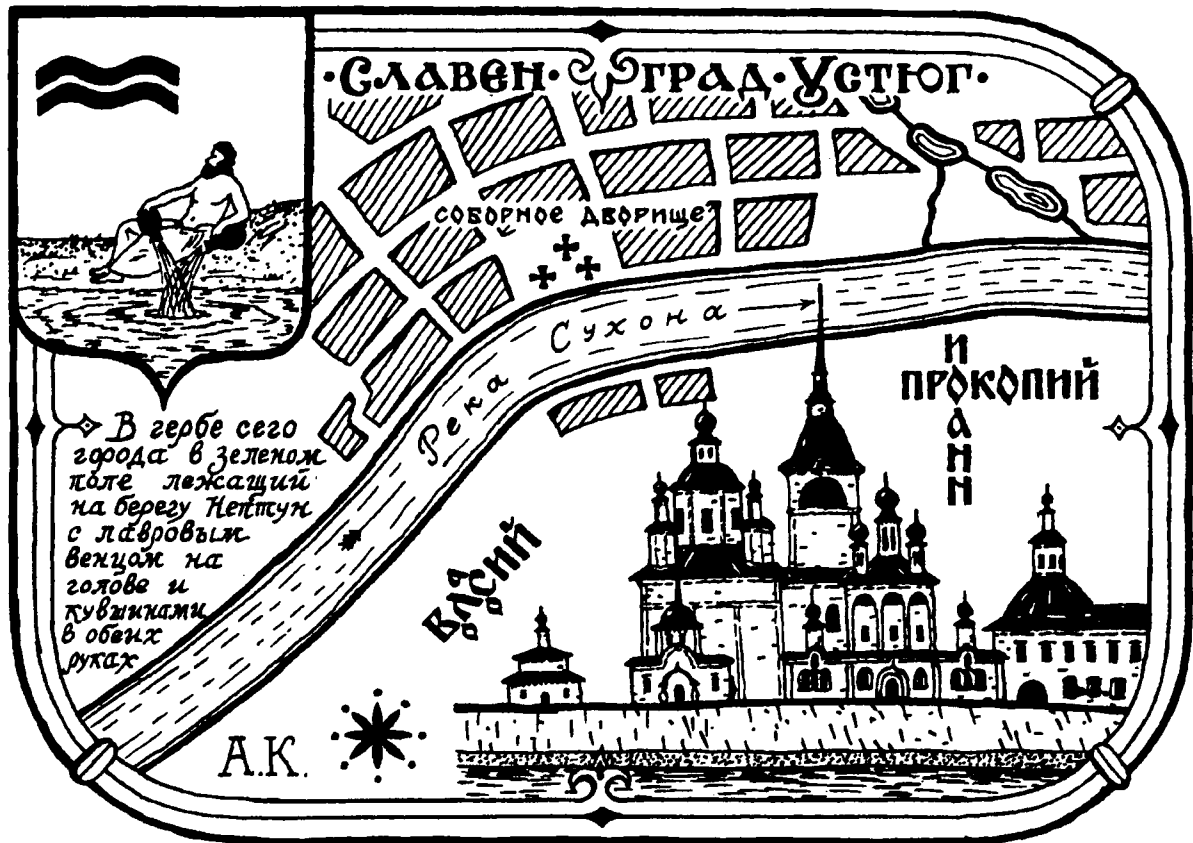
рящего креста Господня»³. У К.К. Случевского оказалось записано и народное название места на Городище, где стоит эта церковь, — Буйна-Бую, очень своеобразное. Сам литератор связал происхождение такого топонима со словом «бой», объяснив это тем, что здесь якобы устраивались кулачные бои среди устюженских удальцов-храбрецов. На самом же деле народный географический термин «буй» имеет несколько значений, среди них такие, как «высокое, открытое всем ветрам место», «холм с погостом и кладбищем». В то же время есть и древнерусское слово «буй» с целой гаммой значений — «глупый, дикий, дерзкий, сильный, смелый, неуступчивый», что родственно современному русскому слову «буйный»⁴. В топонимическом словаре В.А. Никонова именно народный географический термин использован для толкования названия костромского города Буй⁵.

По нашему мнению, устюженский оригинальный топоним Буйна-Бую как раз и совместил в себе оба вышеприведенных значения омонима. Глубинный смысл топонима таков: христианское кладбище с церковью на месте языческого святилища «буйного» Купалы. Известно, что почти все славянские языческие божества кроме своих «официальных» наименований носили и «простые» народные прозвища, причем в живой речи фигурировали чаще всего последние, что, кстати говоря, нашло отражение и в языческой топонимии. Вполне возможно, что Буй — одно из таких народных прозвищ Купалы. Относительно первой части топонима — еще одного Буя — можно сказать следующее: в Устюжне значение данного термина находит прямое подтверждение в том, что церковь стоит действительно на возвышенном месте.

На примере города Устюжна хорошо видно, как христианский Буй взял все-таки верх над языческим Буюм. Впрочем, с аналогичными случаями читатели уже знакомы на примере топонимов древней Вологды. Наверное, нечто подобное было и в других северорусских городах?

***

Один из самых впечатляющих случаев противоборства языческого и христианского относится к Великому Устюгу. В центральной части этого города есть храм Власия Севастийского. С.В. Максимов в своей знаменитой книге «Нечистая, неведомая и крестная сила» так писал об этом великомученике: «При распределении даров благодати между святыми угодниками значительная доля её досталась св. Власию.

СЛАВЕНЪ ГРАДЪ УСТЮГЪ

СОБОРНОЕ ДВОРИЩЕ

Река Сухо́на

И ПРѢКЛОПНІИ

ВѢСНІИ

В гербе сего города в зеленом поле лежащий на берегу Нептун с павровым венцом на голове и кубышками в обеих руках

А.К.

Ему поручено было покровительство и защита всего живого, служащего в помощь и пригодного на потребу человека, еще с тех первоначальных времен, когда на простом созвучии имен (Власий приравнивался языческому Велесу) можно было укрепить веру доверчивых и успокоить подозрения сомневающихся»⁶.

Город Устюг возник из нескольких маленьких сельских русских поселений, жители которых, естественно, занимались и земледелием, и скотоводством. В одной из деревень было создано святилище скотьего бога Велеса (или по другому Волоса). Христианская религия в Устюге обосновалась, видимо, довольно быстро после «крещения Руси», в связи с чем на месте идола Велеса появилась церковь Власия. Позднее это место стало православным центром города и получило наименование Соборного дворища. На нем до сих пор рядом с маленькой церковкой Власия стоят впечатляющие храмы местных святых Иоанна Устюжского и Прокопия Праведного.

В.П. Шильниковская в известной книге «Великий Устюг» все время непроизвольно сравнивает «Власия» с «Иоанном» и «Прокопием». Вот какие слова и выражения использует она для характеристики первой церкви: «самая скромная из построек ансамбля — сохранила первоначальные черты — одноглавая», а вот выписки из книги о соборах Иоанна и Прокопия: «величественная пятишатровая форма — великолепный кирпичный портал — многочисленные переделки»⁷.

Подоплека подобного противостояния храмов на Соборном дворище, не правда ли, сильно похожа на вологодскую из главы «Камень да Рощенье», в случае с церквями Ильи и Варлаама. Тут есть и принижение роли храма на месте языческого святилища, и всевозможное выпячивание соборов, посвященных местным христианским праведникам.

Кстати говоря, из жития юродивого Прокопия Устюжского известно, что он крайне нетерпимо относился к любым проявлениям «бесовства», сиречь пережиткам язычества в городском быту, но все его проповеди оставались бесплодными — «ожестевшие в грехах устюжане оказались хуже ниневитян: они не только не думали каяться, но еще и смеялись и издевались над проповедником, как над безумным»⁸. Любимым местом проповедей Прокопий избрал некий примечательный камень на берегу Сухоны близ Власьевской церкви. А не был ли этот камень языческим идолом Велеса? Известно, например, что около Пскова еще в XVI веке стояли каменные

языческие идолы, а в Ростове Великом, с которым Устюг всегда был тесно связан, каменного идола Велеса миссионер Авраамий сверг в XI веке и поставил на его место церковь Богоявления. Б. А. Рыбаков сообщает, что «культ Велеса существовал и во Владимире на Клязьме, где был Никольский Волосов монастырь, построенный, по преданию, на месте капища Велеса»⁹. Интересно, что и устюгская церковь проязыческого Власия в XIX веке была переосвящена, как и в Ростове, в Богоявленскую!

Пророчества и проповеди Прокопия на устюжан подействовали плохо — еще в 1657 году митрополит ростовский и устюжский Иона негодовал по поводу игрищ в его владениях: «Лета 7166 октября в 23 день велено на Устюге на посаде и в Устюжском уезде учинить заказ крепкой — во всякие бесовские игры б не играли, и песней сатанинских не пели б, и мирских людей не соблажняли...»¹⁰.

Чрезвычайно интересным в свете всего вышесказанного выглядит ... герб Великого Устюга, на котором «в зеленом поле щита лежащий на берегу Нептун с лавровым венцом на голове и с кувшинами в обеих руках, символизирующий слияние двух рек — Сухоны и Юга». Характерно, что из всех городов Вологодской губернии только у Устюга не было верхней части герба с символом губернской столицы, что давало этому городу особые права за его «исторические» заслуги. По предположению Б. А. Рыбакова, обнаженный человек в гербе Переяславля — символ языческого идола¹¹, почему бы и устюгскому Нептуну не быть отражением, пусть несколько искаженным (на то оно и отражение!), языческого русского бога Велеса? Тем более, что другое название человека с герба — Водолей — ближе к первоначальному мифониму даже фонетически...

Камень же, на котором юродствовал Прокопий, после смерти его был положен на могилу, а потом вмурован в фундамент стены Прокопьевского собора. Можно видеть этот камень, послуживший и язычникам, и христианам, до сих пор на том же месте.

***

Устюжский «Буй-на-Бую», как должно быть понятно, достаточно условный, символический; топонима такого в городе не было и нет. Но в Заволочье удалось обнаружить еще одно название, похожее на то, что было в Устюжне, правда, — в Архангельской области. Впрочем, учитывая тот факт, что еще в начале нашего столетия волость, о которой пойдет речь, входила в Вельский уезд Вологодской губернии, рассказать об этом стоит.

На реке Устье, протекающей в южной части Архангельской области, есть большое село Бестужево. Рядом с ним возвышается несколько холмов с любопытными названиями — Буево, Радуга и Бабья гора. Склон холма Буево до недавнего времени украшала старинная деревянная церковь, а некогда — целый ансамбль из нескольких храмов. Один автор так описывает это примечательное для нас и нашей книги место: «Общее название всего холма, на котором стоит деревня Шалимово и неподалеку от нее церковь, — Буево, а это слово в северорусских говорах обозначает не только пустырь на возвышенности, но и между, грань, границу. Рядом с Шалимовой возвышается Бабья гора. Старожилы вспоминают, что раньше по праздникам сюда собирались бабы и девки водить хоровады, петь и плясать. Возможно, этот обычай сохранился с тех давних времен, когда на Бабьей горе находилось языческое капище какого-то женского божества»¹². В дополнение к сказанному можно отметить и еще одно значение слова «буево» из вологодских говоров — «кладбище у церкви»¹³, причем значение это явно вторично, приспособлено к реальностям христианского времени.

В случае с бестужевскими холмами мы, вероятно, имеем дело с прелюбопытным примером соседства мужского языческого святилища Буя — Купалы с женским святилищем Бабы — Мокоши. Явно языческим по происхождению является и название горы Радуга, возможно, на нем было капище всех других, «младших» божеств (см. ниже, в главе «Дедов остров и Бабье озеро» похожую тройку языческих топонимов).

Чтобы искоренить этот куст языческих святилищ на реке Устье, основать который могли первые переселенцы в Заволочье — новгородцы-язычники, в XVII веке православными идеологами было буквально «состряпано» житие некоего местного святого Прокопия Устьянского, сильно смахивающее на житие Прокопия Устюжского¹⁴. Постепенно новую легенду удалось внедрить в сознание народа, и следы языческой веры в окрестностях села Бестужева сохранились лишь в топонимах.

ПОГАННОЕ МЕСТО БЛИЗ СОЛИ-ТОТЕМСКОЙ

Когда тотьмичи обосновались после переселения от устья реки Тотьмы на соляные промыслы по берегам небольшой речки Ковды, язычества в чистом виде уже не существовало — шел XVI век. Однако первая христианская церковь на Соли-Тотемской носила характерное название Ильинской. Замечено, что храмы в честь св. Ильи Пророка в старину на Севере ставились или в местах нового русского, преимущественно — новгородского, освоения, или же — вместо языческих капищ. Попробуем с помощью актовых источников и других сохранившихся с тех давних пор документов восстановить некоторые черты религиозного прошлого на зыбкой грани язычества и христианства в районе соляных промыслов на речке Ковде.

Вне всякого сомнения, источники, содержащие соляной раствор, известны здесь с глубокой древности еще дославянскому населению Тотемского края. Название Ковда в переводе с языка лопарей — «Березовка», а березовые леса всегда в тайге были спутниками человеческой деятельности. Первые русские переселенцы какое-то время у Соли жили бок о бок с людьми, говорившими на одном из финно-угорских языков. И те, и другие придерживались языческих верований, поэтому никаких конфликтов у них не возникало (известно, что причиной большинства военных столкновений являются религиозные расхождения, даже внутри одного народа — ирландцы, сербо-хорваты и др.). Противостояние на берегах Ковды появилось с приходом сюда христиан, которые объявили всех остальных «нехристями», «погаными».

Первые сведения о православных храмах на Усолье (в разные времена бытовали разные названия этого места) — косвенные: в 1514 году некий игумен Серапион отписал на помин своей души пустошь Голодяиху и «ропаш Иева Ляпуна и Ильинский луг, что за Голою слободкой вверх по речке Ляпунихе подле Спасское поле деревни Углицкие». Тотемский краевед начала XX века Д. А. Григоров считает, что именно на этом месте и стояла Ильинская церковь, выстроенная как домовая набожным, а значит, и богатым местным жителем Артемием Саблиным¹.

Речка Ляпунка, получившая свое название от крестьянина Иева по прозвищу Ляпун, существует и по сей день — это левый приток Ковды. Дожила до XX века и деревня Углицкая, в последнее время почти соединившись с большой деревней Варницы на месте, где в старину стояли варницы, в которых вываривали из подземного раствора соль. Помнят местные жители и топоним Ильинский луг. Вроде бы ничего «языческого» в упомянутых названиях нет, но в спорном деле Спасо-Каменного монастыря (тоже зарился на соль!) с тотемским купцом Осипом Палицыным от 1677—1679 годов упомянут «починок Поганинский, Кривой тож»², а в «Экономических примечаниях Окологородной волости Тотемского уезда», составленных в конце XVIII века, есть описание «Деревни Кривой Починок, что дачею простирается на берегу речки Ляпунки по течению ее на правой стороне». В этом же источнике описывается и упомянутая в документе от 1514 года «Пустошь Голодяиха, что лежит по речке Ляпуновке по течению ее на левой стороне»³.

Если свести все сведения вместе, то починок Поганинский, чье название явно отражает связь с «поганым» язычеством, находился рядом с Ильинским лугом и первой православной церковью на Соли-Тотемской. Вероятно, храм Ильи Пророка был поставлен на это место не случайно — он перекрыл бывшее здесь в древности святилище язычников. Деревней починок Поганинский так никогда и не стал, а название его уже в XVIII веке в документах не упоминается: в этом веке противоборство язычества и христианства стало уже неактуальным, а подобное название без всякой религиозной подоплеки стало восприниматься просто как неприятное на слух, поэтому и было заменено на нейтральное — Кривой Починок.

Справедливости ради отметим, что борьба с «проязыческим» топонимом Поганинский началась раньше: в писцовой книге Тотемского уезда от 1623 года есть запись о «деревне, что был починок Потанинский, Кривой тож»⁴. Изменена всего одна буква, а смысл и возможное происхождение топонима стали другими! Похожий случай произошел и с названием деревни Пеганово в Вельском районе Архангельской области, которая в списки населенных мест Вельского уезда Вологодской губернии за 1859 год занесена под именем Пеганово⁵, а в более ранних источниках, таких, как переписная книга Пежемского стана Устьянских волостей и книга ландратской переписи Устьянских волостей, деревня записана под другим названием — Каменная Дубровка на Захарьине ручье⁶. Народный вариант ойкони-

А. Кузнецов

СОЛВЕТОВЕ
 КРАЈИНА

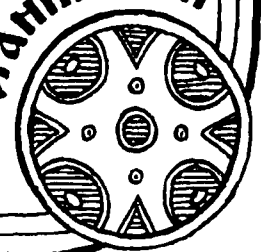

ДЕРЕВНЯ
 ВАРНИЦЫ

На этом месте
 в старину
 располагались
 соляные
 варницы

ПОГАННИКЪ

ма — Поганово появился в документах лишь в XIX веке, что напоминает случай с названием деревни Рошенье — Паюсово, о котором было рассказано в главе «Камень да Рошенье».

Сегодня деревня Каменная Дубровка — Пеганово уже нежилая. Останки домов смотрят глазами разбитых окон на реку Пезму, название которой с языка пермян, одного из дославянских финно-угорских народов Севера, переводится как «Поганая земля»⁷! Пермяне, давшие имя этой реке, как и русские язычники были с точки зрения христиан «погаными», так их и называли в средневековых русских богословских поучениях. Само слово «поганый» в древнерусский язык было заимствовано из латинского, где «паганус» — округной, находящийся на окраине. Уже в латыни слово «паганус» применялось для обозначения нехристиан, жителей отдаленных местностей, где языческие верования сохранялись дольше всего.

Вполне возможно, что на месте деревни Поганово было капище, которым пользовались пермяне. Святилище включало в себя каменные идолы, подобные тем, что выставлены на обозрение во внутреннем дворике вологодского кремля. В краеведческий музей Вологды эти антропоморфные скульптуры были привезены из Зырянского края (потомки пермян в прошлом веке назывались зыряне, ныне это народ коми). О каменных идолах у реки Пезмы напоминает, вероятно, и второе название деревни — Каменная Дуброва, так как, по мнению Б.А. Рыбакова, именно дуб считался священным деревом язычников, а термин «дубрава» или «дуброва», как и термин «рошенье», отмечал места языческих святилищ⁸.

Любопытно, что еще одна пеземская деревня, современное название которой Скомовская, носит второе народное имя — Каменная, как бы перекликаясь с Каменной Дубровкой. И расположены они недалеко друг от друга. Есть предположение, что первоначально название деревни звучало несколько иначе — Скомороховская, подтверждением чему являются такие топонимы, как Лысая гора — холм у деревни и ручей Шутиха — протекает под холмом⁹. «Шутами» в старину называли скоморохов. Скопление подобных топонимов в одном месте может говорить только о том, что в древности здесь устраивались языческие игрища.

Наконец, нельзя не упомянуть и другой яркий пример языческого ойконима — деревня Погановщина. Она стоит «при реке Двине, в 105 верстах от Сольвычегодска», по сведениям из списка населенных мест за 1859 год Сольвычегодского уезда Вологодской губернии¹⁰.

Неподалеку от Погановщины находится большое двинское село (сейчас это Архангельская область) Пермогорье, в названии которого запечатлена на века память о древнем народе пермь, с которым русские язычники нашли в свое время общий язык. У деревни Погановщина тоже есть второе название — Мошинская, а это значит, что и здесь «официальный» топоним во времена православия вытеснял «народный». Другое дело, что такая замена удавалась не везде, а память простого люда цепко хранила древнейшие, «поганые», названия.

В этой главе приведены примеры языческих по происхождению и «поганых» по облику, с точки зрения христиан, топонимов с территорий Тотемского, Вельского и Сольвычегодского уездов бывшей Вологодской губернии. Возможно, где-то сохранились и другие подобные названия, поэтому есть надежда, что читатели их знают, помнят, а после этого очерка найдут время поделиться своими сведениями с автором книги.

СВЯТИЛИЩА ВОЛОСТИ ТИКСНА

деревне Светица Погореловского сельсовета Тотемского района еще недавно от стариков можно было услышать предание о Большой Сосне, что стояла одиноко в поле за деревней.

Дело было, как говорится, в старину стародавнюю, и однажды, после передела земли, оказалась Большая Сосна посреди поля некоего светицкого мужика. Посеял он тут рожь по-год и по-два и показалось ему, что везде рожь хорошо родится, кроме как под разлапистой сосной, потому как там увей. Этим полузабытым сейчас словом раньше в тотемских деревнях называли полосу земли, на которую падала тень от леса. Так вот, не понравилось мужику, что Большая Сосна портит ему посева, и подобрался он, срубил все же дерево.

А надо сказать, что Большую Сосну уважали в деревне: молодежь старалась обойти дерево стороной, зная от стариков, что ломать ветки и по-другому как-то безобразить близ сосны нельзя, а пожилые люди лишь хитро помалкивали, но говаривали — кто тронет Большую Сосну, добра тот человек не жди.

Вышло все по-стариковски и довольно трагично: мужик, что срубил дерево, попал вскоре в мельничные жернова, когда пытался смолоть на муку зерно, выращенное на своем наделе у поверженной Большой Сосны.

Нам известно, что почитаемые деревья в некоторых местах Вологодчины сохранились еще до сих пор. Например, в Тарногском районе, на угоре за деревней Веригино, стоит одинокая сосна, не такая уж высокая, не такая уж толстая — обычная вроде бы сосна, если б не одно обстоятельство. Когда подойдешь к ней и присмотришься к покрытому коростами чешуи стволу, то окажется, что в разных местах в древесину вбиты осколки кремня. Некоторые из них затекли смолой, вросли в ствол намертво, другие вроде вбиты совсем недавно... Хочется узнать — что это?

Оказывается, в деревне Веригино было поверье, что забитый таким способом и заговоренный предварительно кремень (кстати

говоря, священный камень славянских язычников) защитит человека от болезни, от сглаза, от навета, то есть от одного из проявлений «нечистой силы». Даже в наше время никто из жителей Веригина не посмеет сломать ветку этой священной для них сосны, хотя понятно, что смысл такого почитания дерева для большинства современных людей утерян¹.

Смысл, конечно же, был. Не секрет, что у русских язычников одним из символов плодоносящей силы матери-земли было кудрявое, развесистое дерево. На Русском Севере им стала сосна. «Практическому великорусскому племени пришлось по вкусу сухие сосновые боры как наиболее удобные места для жительства», — пишет С.В. Максимов. Он же продолжает: «Поэтому и выбор священных деревьев естественным образом стал падать на сосну. В селе Брусенец (Тотемского уезда, а ныне Нюксенского района — А.К.) до сих пор цела священная сосна, под которой некоторые благочестивые люди ежегодно перед пасхой видят горящую свечу. В Кадниковском уезде, при деревне Глебово (современный Двиницкий сельсовет Сокольского района — А.К.) наталкиваемся на заповедную рощу, замечательную по необыкновенно старым деревьям. Об одном из них — высокой сосне — сложилось даже предание, что она не поддается никаким человеческим усилиям: вместо отброса щепы мечет искры, неисправимо тупит лезвие топора, а сам смельчак непременно надорвется нутром, начнет чахнуть и невольно помрет»².

Но вернемся в небольшую деревню Светица, что стоит на берегу реки Тиксна и ничем внешне не выделяется среди остальных деревень волости, которая в старину называлась так же, как и река. Большую Сосну, как известно, срубили и постепенно о ней забыли. Стал забываться при Советской власти и деревенский престольный праздник — Преображение Господне, отмечающийся 19 августа по новому стилю. Такие праздники раньше были почти в каждой вологодской деревне, но разобраться в причинах того или иного распределения престольных праздников по деревням пока довольно сложно. В отношении Светицы можно сказать следующее: у христианского Преображения на Руси был праздник-предшественник, в эти же сроки славяне отмечали начало уборки плодов, что была вынуждена признать и православная церковь во втором названии Преображения — Яблочный Спас.

В северной волости Тиксна яблоки в старину не росли (да и сейчас январские морозы губят яблоневые деревья часто), поэтому симво-

лом плодоносящего дерева, как и везде, была выбрана сосна, получившая воплощение в огромном дереве близ деревни Светица — Большой Сосне. Два последних топонима, видимо, тесно связаны друг с другом по происхождению. В писцовой книге 1623 года название деревни зафиксировано в форме «Светица»³, что надо понимать как «Деревня у Святого места». Таким местом, древним языческим святилищем, и была, конечно же, Большая Сосна. Христианская религия постаралась уничтожить при первой же возможности это капище, что и нашло отражение в предании, а направленность культа, наоборот, сохранить, заменив лишь наименование праздника.

В центральной деревне волости Погорелове (в XIX веке и волость называлась Погореловской) православным праздником была Васьянова память, 25 сентября, в день смерти в 1624 году местного святого Вассиана Тиксненского. И в этом есть какая-то загадка, ведь, судя по всему, в Погорелове нужно было праздновать Преображение, так как главный приходской храм волости, Спасо-Преображенский, стоит в полуверсте от деревни, на песчаном угоре над речками Тиксна и Вопра. «Во оном погосте две каменные церкви, одна во имя Живоначальной Троицы, в ней под спудом препочивают мощи преподобного Вассиана, во уединении жившего на оном месте, где сия церковь; в другой церкви настоящий храм Преображению Господню, приделы — Николаю Чудотворцу и великомученицы Параскевы», — так описывает тиксненский христианский комплекс П.И. Челищев, проезжавший через Тотемский уезд в 1791 году⁴. Две каменные церкви стояли в то время еще «как новенькие», их построили в конце XVIII века на деньги местных купцов.

В житии Вассиана говорится, что этот монах пришел к деревянным еще тиксненским церквям в 1594 году. Местные крестьяне по просьбе Вассиана построили ему небольшую келью в 20 сажнях от храмов Спаса и святителя Николая, где он и прожил целых 30 лет. «Тиксненские церкви находились в стороне от Большой дороги (имеется в виду тракт Тотьма—Вологда—А.К.) и отделялись от крестьянских селений лесом, реками Тиксной и Вопрой и озером Семенковым», — говорится в житии святого⁵.

Впоследствии леса были вырублены и уже в конце прошлого века, по свидетельству погореловского краеведа тех лет А. Линькова, холм при слиянии Тиксны и Вопры выглядел иначе: «Впереди сияют ослепительной белизной, залитые солнечными лучами три каменных

церковных корпуса (Спасо-Преображение, Троица и отдельная колокольня — А.К.), кресты которых, как маленькие огненные точки, ярко блистают в небесной лазури. Посреди уютного сельского кладбища, там и сям испещренного могильными памятниками и крестами, величественно высится развесистая сосна. Под сенью этой СОСНЫ, как бы некоего СТОРОЖА (самые главные для нас слова — А.К.), тихо почивают могильные гости кладбища»⁶.

До наших дней, к сожалению, опять к сожалению, за годы Советской власти уцелели лишь полуразрушенные стены Спасо-Преображенского храма, а колокольня и Троицкая церковь вместе с подземным помещением, где лежали мощи Вассиана, были разрушены в годы так называемой «культурной революции». От гигантской сосны остался лишь огромный, полуистлевший пенек диаметром более полутора метров. Спилили сосну, видимо, в послевоенные годы, когда на старом тиксенском кладбище перестали хоронить.

Эта сосна, пожалуй, самый наглядный пример неистребимости древнейших русских верований и их способности приспособляться к новым условиям. По-видимому, в Тиксенской волости произошел любопытный случай переноса места отправления религиозного культа при постепенной замене язычества христианством. Первоначальное языческое святилище у Большой Сосны близ деревни Святица было заброшено (предположительно, в XVI веке), но на новом христианском сакральном комплексе, основанном в нескольких верстах выше по течению Тиксны, объект поклонения остался тот же — сосна огромных размеров, своеобразная «параллельная» церковь. Не случайно и главный храм волости получил наименование Спасо-Преображенского — это всего лишь замена былого языческого празднества плодов земли. Иными словами, направленность культа при переходе от язычества к христианству в населенной местности, в гнезде деревень, на реке Тиксна осталась той же, сменилось лишь наименование праздника, да место отправления было перенесено выше по течению, что в целом соответствует направлению русского освоения малых рек Заволочья. У сосны, стоявшей на старом тиксенском кладбище, особого названия не было, но краевед А. Линьков в одной из своих публикаций упоминает один погореловский топоним, который можно считать дополнительным доказательством версии о перемещении культа Большой Сосны на новое место: «Несколько правее Погорелова, ближе к церкви, виднеется высокий конической формы холм, покрытый СОСНАМИ и отчасти ольховни-

ком. Местные жители холм этот называют Большим Бором»⁷. Вот вам и перепос топонима, только в чуть видоизмененной форме: «сосна» превратилась в целый «бор»! Интересно, что в народных говорах Тотемского района диалектологами зафиксировано слово «бор» в значении «кладбище» и как синоним слову «буево»⁸ (см. выше главу «От Устюжны до Устюга»). Вероятно, название Большой Бор было дано во времена христианства самому древнему тиксненскому кладбищу, где хоронили еще по языческому обряду. Но современные жители деревни Погорелово этого топонима уже не помнят по той причине, что вместо высокого песчаного холма сейчас существует огромная яма со школьным стадионом на дне ее. Песок с Большого Бора (вместе, очевидно, с останками язычников) пошел на строительство полотна дороги Вологда — Тотьма еще в довоенное время. Остается снова пожалеть о подобных человеческих деяниях в годы Советской власти...

Вернемся к святому Вассиану. Как уже говорилось, умер он в 1624 году. Все последние годы жизни отшельник старательно «умерщвлял плоть» — велел надеть на себя железные вериги, на плечи повесить цепи, на пояс — широкий железный обруч, на руки и на ноги — оковы, а на голову надел тяжелую железную шапку! Этим страшным «железным человеком», наверное, пугали маленьких детей, а цель Вассиана с позиции христианства ясна: он хотел показать тикснякам, что жизнь земная ничего не стоит, что тело греховно, а готовить к загробной жизни нужно лишь душу. При жизни будущий святой не то что не совершал никаких чудес, он о них, видимо, просто не задумывался, цель у него была другая — своим примером службы Господу он хотел отвлечь жителей близлежащих деревень от посещения проязыческого Большого Бора, «затмить» культ Большой Сосны. Тем не менее, после его смерти церковь не замедлила воспользоваться Вассианом, благо случай тут же представился...

Дело было в 1647 году: «В лето от сотворения мира 7155 бысть в Тотемском уезде, в веси Тиксне, моровое поветрие, челоуецы и скоти умираху скоропостижною смертию. Великий государь Алексей Михайлович велел ту весь Тиксну кругом завалить лесом и обсець со все стороны и стражи поставить, чтоб никто из веси тоя никуда не шел бы, ни проплавных, ни торговых, ни всякого рода людей отнюдь не пропускать» — так рассказывается в древней рукописи, отрывки из которой приведены в житии святого⁹, об эпидемии какой-то

болезни, поразившей тиксненские деревни. Тогда отчаявшиеся тиксненяки собрались у стоявшей еще кельи Вассиана и у его могилы, расположенной поблизости, и устроили молебен. «И от того часа преста мор и здрава быши вси, мужи и жены и скот». Можно сказать, именно в 1647 году христианство на Тиксне окончательно взяло верх над язычеством.

До сих пор 25 сентября, в день смерти святого, верующие посещают Святой ключ на берегу реки Тиксны, чуть выше по течению от Погоста, а в старину православную еще совершался крестный ход на берег озера Семенкова, которое тоже раньше звалось Святым. Краевед А. Линьков оставил интересные описания этих «святых» мест: «Ключ бьёт из земли на поларшина (сантиметров на 30 — А.К.) вверх. Здесь св. Вассиан умывался. Говорят, что вода этого ключа имеет свойство целебное, она хорошо пользует от головной боли, а иногда и от других внутренних болезней. Народная молва считает Святое озеро «морской пучиной», не имеющей дна. Преподобный Вассиан купался в озере в жаркие летние дни (в веригах? — А.К.). На берегу озера построена деревянная часовня на каменном фундаменте. От часовни к озеру идет деревянный помост, в конце которого устроен колодчик, откуда богомольцы берут святую воду. Здесь же 12 сентября (по старому стилю — А.К.) совершают водосвятный молебен. Весной крестьяне не решаются начать пашню, как весь лед на Святом озере не растает»¹⁰.

Сегодня ключ едва струится, но вода в нем действительно необычна. Ниже родника, в ручье, текущем в Тиксну, всегда видны яркоокрашенные хлопья ржавчины, похожие на растворенную в воде кровь. Скорее всего, этот железистый источник в изобилии содержит ионы железа, так что недаром Вассиан пользовался им от головной боли!

Итак, с именем преподобного связаны названия двух оригинальных географических объектов. Топоним Святой ключ и Святое озеро могут отражать и языческую первооснову их почитания. Известный лингвист В.Н. Топоров считает русскую основу «свят-» очень древней. Она использовалась еще во времена языческой Руси, а индоевропейские истоки основы имели такие значения, как «набухшее, возросшее, усиленное, подобное огню», то есть несли в себе явную фаллическую окраску и были связаны, как и многое в славянском язычестве, с обожествлением всего, что относилось к области продолжения рода, воспроизводства жизни¹¹. И вот, это откровенно языче-

ское понятие идеологи новой веры сумели превратить в одно из главных слов-символов своей крайне аскетичной и отвергающей все естественное в человеке религии.

Такое длинное повествование о христианских и языческих святых местах волости Тиксна понадобилось, чтобы наглядно, в деталях, показать, как за фасадом привнесенной на Русь веры «просвечивают», при внимательном взгляде, исконные верования русского народа.

НИКОЛЬСКИЙ РЕЦЕПТ НЕПОРОЧНОГО ЗАЧАТИЯ

одном из номеров газеты «Красный Север» была опубликована статья об учителе-пенсionере из Никольского района Н.И. Капустине (газета № 1 за 1990 год). Рассказ Николая Ивановича о том, как в 60-е годы, во времена хрущевского наступления на православие, он участвовал в разрушении церкви около села Аргуново на реке Шарженьге, заинтересовал нас по ряду причин. Оказывается, «под руку» была взорвана (!) еще и огромная сосна в придачу с камнем, которые тоже почитались верующими. В статье из газеты об этом говорилось вскользь, поэтому пришлось писать письмо Н.И. Капустину в деревню Завражье, где он сейчас живет.

Вопросы, которые нас интересовали, были изложены в таком виде: как называлась церковь, имелось ли особое название у сосны и у камня, в какой день верующие посещали святыни, каких размеров и формы был камень и, наконец, в чем выражалась суть обряда поклонения этим предметам культа.

Ответ из Завражья пришел довольно скоро, Николай Иванович подробно ответил на все вопросы, за что мы ему глубоко признательны. Судя по письму, церковь Тихвинской божьей матери стояла в деревне Чернцово, в трех километрах от Аргунова, на старинном тракте из Тотьмы в Никольск. «Святая сосна», а именно такое название носило почитаемое дерево, была примерно трехсотлетнего возраста. «Сейчас сосны нет, она взорвана и увезена работниками райкома КПСС в болото — никто не знает куда, дело было ночью», — пишет Н.И. Капустин. Камень же оказался «крепким орешком» — после взрыва на нем образовалась только трещина. Никакого названия он не имел и до сих пор лежит на старом месте, в русле небольшой речки около развалин церкви.

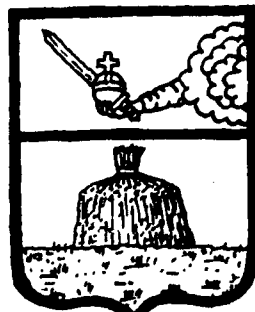
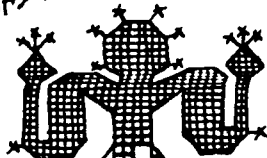
Итак, коммунисты расправились с культовым местом очень жестоко, чего не позволили себе даже православные идеологи, когда встретили в глухом шарженьгском краю остаточные языческие верования, выражавшиеся в поклонении Святой сосне и Камню. Христи-

СВЯТАЯ СОЕНА

Черного

шарженга

Юг

Мировое
дерево или
проросшая
женщина -
соедет
Вологодской
вышивки

Суслон,
сложенный из
ржаных снопов,
в зелёном поле,
изъявляющий
изобилие
сего края

А.К.

НИКОЛЬСК

•17 80•

анство, как и в других подобных случаях, было вынуждено пойти на уступки язычеству, в результате чего церковь встала рядом со святилищем и приняла его под свое крыло.

Праздник иконы Тихвинской божьей матери в православном календаре стоит 26 июня по старому стилю. Он относится к числу так называемых новых праздников, которые появились уже «внутри» самой русской православной церкви, в отличие от старых праздников, пришедших вместе с догматами христианства. Ближайший старый праздник — Рождество Иоанна Предтечи отмечается 24 июня, в день летнего солнцестояния. Хорошо известно, что день этот был вершиной языческого календаря, а Иоанн только заменял народного Купалу (см. главу «Ключевая вода Предтечи»). Празднества в старину продолжались в течение нескольких самых длинных дней лета, так как считалось, что именно в это время происходит солнечная свадьба — Солнце берет в жены Землю и в ее лоне, символом которого выступали все реки и озера, зарождается новая жизнь в виде зеленых ростков грядущего урожая. А «урожай» как уже говорилось, созрел к Благовещению...

Крайне примечателен и тот факт, что на святилище у деревни Чернцово (от прозвища Чернец, то есть «монах», что тоже по-своему интересно — еще один сакральный топоним этого места!) культовый камень лежит в воде ручья. Вероятно, именно данная особенность и стала причиной его почитания: символически представлялся момент вхождения Солнца в лоно Земли. Ну как тут не вспомнить почти аналогичную, но более древнюю и масштабную ситуацию с островом Камень в озере Кубенском!

На Чернцовском проязыческом святилище и на святилище острова Камень четко выделяются символы мужского и женского начал. В религии древних славян, как и в мифах других индоевропейских народов, мужское определялось понятиями «возвышающееся, выпуклое, твердое, горячее», а женское — «вогнутое, впалое, мягкое, холодное», например «камень, солнце» и «озеро, вода». По сути дела, это интерпретация древнего символа мужского начала, сохранившегося в древнеиндийском слове «линга» — «божественная производящая сила, мужской детородный орган» и символа женского начала, на санскрите звучащего как «йони» — «источник, женские гениталии». «Изображение линга в виде каменного столба, обычно поднимающегося из йони, играет важную роль в ритуале различных шиваистских сект в Индии и служит предметом поклонения», —

пишет один из авторов «Мифологического словаря»¹. Учитывая факт происхождения славянских этносов от индоевропейцев, возможно, похожий смысл был заложен и в позднейшие русские святилища острова Камень, где он поднимается из глубин озера, и у деревни Чернцово, где Камень лежит в русле ручья.

Все эти теоретические рассуждения не имели бы никакого основания быть перенесенными на нашу вологодскую землю, если б не подтверждались действительными обрядами, имевшими место у шарженгских крестьянок. Самые интересные строки в письме Н.И. Капустина следующие: «Посещение святых мест почти повседневное. В большие религиозные праздники, в Троицу, на Пасху, а особенно на Тихвинскую, собирается несколько тысяч верующих, устраивается молебен, ползают вокруг церкви на коленях несколько раз, кладут обещанное богородице, также около сосны, что болит — глядят о камень, особенно женское население свои половые органы, берут воду из ручья...»². Вот так, под сенью православной церкви женщины, по каким-то причинам не имевшие детей, надеялись на непорочное языческое зачатие от камня-солнца! В связи с описанным только что обрядом можно вспомнить и знаменитый фаллический идол из древнего Белоозера (см. выше главу «Словенские Болванцы»). Его высота — 70 сантиметров, видимо, также была приспособлена для ритуала непорочного зачатия от бога, на которое могли полагаться бездетные женщины, а это еще раз подтверждает, что христианство в своих догматах далеко не оригинально.

Все языческие купальские святыни, в виде Камня — Солнца, Воды из ручья — лона Земли и Святой сосны — зеленых ростков нового урожая, на никольской земле активно использовались до середины XX века. Есть сведения, что в последние годы верующие вновь собираются на месте поруганных святынь и устраивают молебны. Воистину, желание чуда непреодолимо во все века!

ДЕДОВ ОСТРОВ И БАБЬЕ ОЗЕРО

Неподалеку от Тотьмы, всего в нескольких верстах выше по течению Сухоны, есть три острова: Дедов, Бабий и Внуков. Самый большой из них — Дедов — в разное время привлекал внимание ученых самых разных специальностей — географов, историков, искусствоведов, архитекторов...

Дадим вначале слово географам: «Остров Дедов — самый крупный из встречающихся на Сухоне. Он имеет довольно неправильную, вытянутую по течению форму. Длина острова — 1,5 километра, максимальная ширина — 500 метров. Со стороны основного русла берег интенсивно подмывается, на значительном протяжении имеет обнажения, оползни, обвалы. В обнажениях прослеживаются чередования слоев гравия, галечника и песка разного цвета и механического состава. Это, по всей видимости, древние отложения водно-ледниковых потоков. Вероятно, река в процессе формирования своего русла встретилась с толщей плотных отложений и вынуждена была обтекать их с обеих сторон. Растительность в центральной части острова древесная (ель, сосна, мелколиственные деревья), а по краям и в южной части — луговая с кустарником» — вот краткое, но очень точное описание острова, принадлежащее перу вологодского географа Н.П. Антипова¹.

Можно еще добавить, что Дедов остров — единственный на Сухоне, имеющий ненамывное происхождение, поэтому и растительность на нем напоминает настоящую тайгу, в то время как на низких песчаных намывных островах есть лишь луга, кустарники да мелколиственные породы деревьев. Острова эти по весне заливаются водой, а вот Дедову острову весеннее половодье не грозит: высота его над летним уровнем превышает 10 метров!

В верхнем по течению конце Дедова острова стояла каменная Троицкая церковь, заложенная на месте более древних деревянных сооружений Дедовской Троицкой пустыни. Сейчас на острове никто не живет, нет и Троицкой церкви. Тотемский краевед С.М. Зайцев писал о причинах разрушения этого храма следующее: «Первыми были сломаны церкви, расположенные ближе к Сухоне, — требовал-

ся кирпич для строительства столицы Северного края — города Архангельска. Прежде всего была разобрана Троице-Сергиевская церковь на Дедове острове, проплывая мимо которого и не подумаешь, что здесь был один из ценнейших памятников» (тотемская газета «Ленинское знамя», 14 февраля 1981 года).

Вместе с церковью были разобраны в начале 30-х годов и береговые укрепления из крупных валунов, чем Сухона не замедлила воспользоваться — берег острова со стороны главного русла реки стал постепенно подмываться, и теперь видны уже остатки фундамента зданий бывшего христианского религиозного комплекса. Есть еще надежда, что Сухона смыла не все и археологические раскопки помогут разобраться, что же было здесь до православной церкви? Ведь, по словам автора одного русского религиозного поучения «куда же древе погани жряху бесом на горах, туда же ныне церкви стоят златоверхие», а иными словами — там, где в старину язычники поклонялись своим идолам, ныне стоят христианские храмы.

В краеведческой литературе зафиксировано народное предание о происхождении названий трех сухонских островов, опубликовано оно было в середине прошлого века: «Вероятно, замысловатое название этих островов поддерживается странной баснею, которая из отдаленной старины сохранилась еще и донныне каким-то олицетворенным мифом. Когда-то эти острова, простодушно рассказывают туземцы, бежали из Устюга, т.е. дед и бабка с внуком. Наконец, слабый внук выбился из сил и не мог больше плыть; бабушка, увидя это, тоже не захотела далее следовать, тогда и почтенный дед, как бы поневоле принужден был остаться, не желая расстаться с семейством, и вот они, оцепененные, красуются почти на середине широкой Сухоны»².

Если мы вспомним, что в центре древнего Устюга стоял идол Велеса (см. главу «От Устюжны до Устюга»), одним из народных прозвищ которого могло быть «Дед», и идол этот был свергнут довольно рано первыми христианскими миссионерами, пришедшими скорее всего из Ростова Великого, то становятся ясными мотивы бегства «Деда» с семейством из Устюга в тотемские края, на новгородские земли, где еще язычество не было загнано в угол проповедниками новой веры.

В «Мифологическом словаре» есть статья «Деды», где говорится о том, что «у восточных славян обряд почитания Дедов совершался весной на седьмой день после Пасхи (семуха, радуница или пасха

умерших); в жертву покойникам приносилась пища. Пищу в обрядах поминовения и кормления мертвых, связанных с именем Велеса, первоначально также относили на кладбище. Дедов изображали в виде антропоморфных «болванов» с личиной»³.

Бог Велес в мифологии восточных славян, таким образом, кроме скотьего бога выступал и в роли покровителя загробного мира, в противоположность таким «солнечным» божествам, как Перун, Род или Купало. Любопытно, что на Русском Севере еще в прошлом веке крестьяне вырезали из дерева личины на столбах-палках, очень напоминающие славянских языческих идолов. Их обряжали в одежды умерших женщин и мужчин и брали на посиделки. Две такие личины с характерными именами «тетя Аня» и «дедо Саша» хранятся в краеведческом музее Череповца⁴.

Можно предположить, что и на Дедовом острове в глубокой древности было русское языческое кладбище, где был установлен идол Деда — Велеса. У Б.А. Рыбакова приводится пример парных топонимов Бабина гора и Дедов шпиль на Украине, у реки Днепр. Произведенные на них раскопки выявили следы языческого святилища в честь Макоши в первом случае и языческого могильника — во втором⁵. Богиня урожая, Мать-сыра-Земля, как в былинах именовалась Макошь, в просторечье и могла именоваться Бабой. Из других «кандидатур» на божество женского пола, в честь которого появилось название Бабьего острова на Сухоне, следует назвать еще спутниц Велеса — Волосынь, которых также называли еще Бабами.

Необычайно интересна и перспективна в топонимическом отношении попытка сравнения названий островов Дедов — Бабий — Внуков с извечными сюжетами русских народных сказок, истоки которых в большинстве своем — в славянской языческой мифологии. А.К. Белов, современный исследователь и интерпретатор языческих верований, сообщает в одной из своих работ следующее: «Общественное сознание, обнаруживая соответствие человека той или иной освященной богом категории, причисляло славян то к внукам Ярилы (землепашцы), то к внукам Дажьбога (воины), то к внукам Велеса, стоящего над кудесниками, волхвами и чародеями (т.е. людьми, имевшими связь с потусторонним миром — А.К.). Отголосок традиций этого родства можно обнаружить и в русских народных сказках, где в сакральных образах Деда и Бабки угадываются боги-прародители. В основе сюжета лежит некое похождение внучки или внука (колобок, курочка Ряба, репка), а дети стариков, то есть среднее

ТОТЬМА

Пруцше-Сергиевская
церковь
на Дедове острове

Река Сухона →
На этом
месте стоял
Богородицкий
монастырь

ВНУКОВ

БАБИЙ

ДЕДОВ

→ Царева

Сладкий рюк первым
выбился из сил за кем
остановился бабушка
а поклеванный дед, увидя
это повороте принужден
был отступить. И вот они
оцепененные краснеют
на середине Сухоны.

А. Кувцеков

поколение, всегда отсутствуют. Отсутствие это и объясняется пребыванием их в мире духов (нави), тревожить который своими представлениями о нем славяне не брались»⁶.

А теперь попробуем разобраться в том, почему православная церковь на Дедовом острове носила название Троицкой? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо обратиться к истории возникновения небольшого монастыря — Дедовской пустыни. Любопытные сведения о ней на основе архивных документов и более ранних публикаций собрал в начале нашего столетия тотемский краевед Д.А. Григоров⁷. Он, в частности, сообщает, что в начале XVII века названия островов несколько отличались от современных — Дед, Баба и Внук или Внучек, что подтверждает версию о языческом происхождении данных топонимов. Далее краевед пишет: «Основатель пустыни иеромонах Иона, еще будучи пономарем тотемской Воскресенской градской церкви (переименованной позднее в Успенскую), 6 июля 1670 года приехал на Дедов остров для сбора грибов и ягод и здесь, на западном мысу острова, нашел на дереве икону с изображением Пресвятой Троицы, Божьей матери с предстоящими апостолами Петром и Иоанном и преподобным Сергием Радонежским и Ионою, его учеником. Эту икону пономарь Иоанн (Ионою он стал после пострижения — А. К.) привез в Тотьму и показал блаженному Андрею Тотемскому юродивому, который был еще жив и с которым пономарь был дружен. Блаженный Андрей, осмотрев икону, завещал пономарю построить на Дедовом острове часовню и предсказал, что впоследствии на том же месте возникнет и монашеская обитель». Иоанн-Иона завещание своего друга юродивого исполнил спустя несколько лет — Дедовская Троицкая пустынь возникла в самом конце XVII века при тотемском воеводе Ф.А. Лопухине, отце царицы Евдокии Федоровны, первой супруги Петра I.

Будущий святой Андрей Тотемский родился, судя по житию⁸, в 1639 году на Усть-Толшме (сейчас село Красное Маныловского сельсовета Тотемского района), а умер в 1673 году в Тотьме, где и похоронен под спудом в церкви Воскресения Христова на берегу Сухоны. Большую часть своей недолгой жизни Андрей юродствовал, перемещаясь зимой и летом от Устья Толшменского в Тотьму и обратно (в житии это расстояние определяется словами «пятьдесят поприщ», что на современных картах соответствует 53 км) по льду или кромкой берега, в зависимости от времени года, но всегда в одной и той же рваной одежде. Дедов остров тоже лежал на пути юродивого

и Андрей, без сомнения, посещал его неоднократно. Мог он знать и о языческих по сути своей обрядах на старом островном кладбище, где весной, в Троицкую Субботу, собирались жители окрестных деревень, чтобы помянуть своих предков, своих прародителей, своих дедов-прадедов.

Вероятно, непосредственную связь с происхождением названия Троицкой церкви имеет вот этот отрывок из «Стоглава»: «В Троицкую Субботу по селам и по погостам сходятся мужи и жены на жальниках и плачутся по гробам с великим кричанием. И егда начнут играти скоморохи, гудцы и предгудники, они же, от плача преставше, начнут скакать и плясати и в долони бити, и песни сатанинские пети, на тех же жальниках, обманщики и мошенники»⁹.

Подобных «обманщиков и мошенников» и наблюдал на Дедовом острове Андрей. Как православный христианин, он не мог пройти мимо этих «бесовских» игрищ и вполне мог устроить сцену с находкой иконы с помощью своего знакомого пономаря Иоанна. Интересен в связи с этим сюжет упомянутой иконы, где Троица как бы перекрывает языческого Велеса. Божья мать — Бабу-Макошь, а Петр, Иоанн, Сергей и Иона — «внуков». В целом же на основе приведенных выше фактов выстраивается такой смысловой ряд: на месте языческого святилища на Дедовом острове возник мужской Троицкий монастырь, неподалеку от Бабьего острова чуть позже, в XVIII веке, возник женский Богородицкий монастырь, ну, а рядом с Внуковым островом, как и следовало ожидать, все было проще — около него возникла деревня Внуково (кстати говоря, единственное селение на правом, или «диком», берегу Сухоны в этом месте), где и жили, естественно, простые крестьяне, не претендовавшие ни на какую божественную участь.

В заключение хотелось бы обратить внимание археологов — а не остались ли еще следы древних захоронений — жальников — на Дедовом острове? Вдруг еще Сухона смыла не все языческое кладбище?

***

Несомненную связь с языческими верованиями, по нашему мнению, имеет и название единственного крупного на востоке Вологодской области Бабьего озера (см. также в главе «Ивановская горка Кирилла Белозерского» рассказ об аналогичном топониме). Лежит

оно в глухом углу современного Бабушкинского района, а в старину относилось к Тотемскому уезду. Из Бабьего озера вытекает речка Озериха — один из истоков большой реки Юза, относящейся к волжскому бассейну.

В писцовой книге 1623 года есть описание «Новой пустыни у Бабьего озера у Галицкого рубежа — 2 кельи, 1 коровой двор, 2 монастырских детеныша...»¹⁰ П.А. Колесников, опубликовавший эти сведения, сообщает также, что возник этот монастырек около 1605 года, а крестьяне призваны в него из Вологодского, Тотемского, Устюжского и Галицкого уездов. Среди деревень была и одноименная озеру «Бабья на речке Озерихе», у истока последней из озера, а поставлено в ней было в начале XVII века 5 дворов.

Спрашивается, зачем на берегу лесного озера, отстоящего на много верст от старожильческих волостей, устраивать пустынь — только ли ради «уединения монашеского»? Чтобы ответить на этот вопрос, полезно вспомнить о древнем водно-волоковом пути с реки Юза, из бассейна Волги, на реку Городишну, в бассейн Сухоны, ключевой участок которого как раз и находился у Бабьего озера: волок длиной в несколько верст вел прямо к истоку Городишны. Из «Устюжского летописного свода» известно, что в 1453 году «Князь великий Иван» с войском проследовал из Галича на Сухону как раз этим путем¹¹. Скорее всего, указанный водно-волоковой путь русские освоили еще в языческие времена и именно по нему уходили с Волги в тайгу от новой, христианской, веры. А у волока, на берегу лесного озера, основали святилище в честь Бабы-Макоши, от чего затем произошло и название Бабье озеро.

В свою очередь, идеологи православия, обеспокоенные тем, что святилище продолжало посещаться даже во времена Московского Великого княжества, были вынуждены основать там монастырь и заселить местность крестьянами-христианами.

Тот, кто в наши дни сумеет добраться до Бабьего озера, сможет лицезреть привычную для советской России картину развалин Никольской церкви (тоже своеобразный топоним-индикатор водно-волоковых путей — вспомним Никольское озеро у Словенского Волока) на месте старинной пустыни и древнего языческого святилища. Новая коммунистическая идеология, так же, как и христианство в свое время, постаралась избавиться от прежних святынь и предрассудков, не думая, что и сама может оказаться тем же...

ЯЗЫЧЕСКАЯ СМЕСЬ

старых русских журналах был раздел «Смесь», где помещались небольшие по размеру заметки, советы, сообщения. За несколько лет, в течение которых собирались материалы по языческой топонимии Вологодчины, накопилось некоторое количество таких небольших заметок, которые и было решено собрать вместе в последней главе этой книги. Пускай пока это будет всего лишь «смесь», но вполне вероятно, что в будущем некоторые составляющие ее превратятся в отдельные очерки или даже целые исследования. Время покажет.

СВЯТАЯ ЛУКА

Так называется местность и деревня в истоке реки Сухоны, недалеко от Спас-Камня (16 км) и от Лысой горы (12 км). Все вместе это образует оригинальный сакральный треугольник, у которого отгаданы еще не все загадки.

Деревня, или погост, имела за свою историю несколько названий. Вот что пишет, например, Ю.И. Чайкина: «В XIX веке погост назывался Святолуцкий, в XX веке — Лука. В переписных книгах Бохтюжской волости Вологодского уезда от 1678 года отмечаются два названия селения: Общее и Святая Лука. Наименование по местоположению: селение, находящееся на «луке» — «излучине, изгибе берега»¹. И в самом деле, после истока из озера Сухона делает резкий поворот на север, а затем — крутой изгиб в противоположном, южном, направлении. Сегодня эта местность уже не та, что в древности: уровень воды в реке поднят с помощью плотины «Знаменитая», а в основании излучины прокопан канал или прость (по легенде, «постарался» здесь известный уже читателям князь Глеб со дружиною). В «Сказании...» монаха Паисия Ярославова об этом есть следующие строки: «И прииде ко Кривой Луке... князь же перекопа и потече тем рвом великая река Сухона и крест постави и оттоле зовется Глебова прость (от древнерусского слова в значении «прямо, открыто, просто» — А.К.)²».

Название Кривая Лука, упомянутое в цитате, говорит о том, что

до начала христианизации Кубеноозерья у истока Сухоны было другое имя, а определение «Святая» излучина получила вместе с новой религией. У Иоанна Верюжского есть известие о том, что «в 1263 году преподобный Феодор пришел было на Святую Луку (топоним этот, естественно, «от Верюжского», из XIX века — А.К.) с двумя учениками и хотел тут устроить монастырь, но чудские язычники, жители ближайших селений, разметали келью и прогнали старца»³. Упоминание именно «чудских» язычников, вероятно, можно связать с характером публикации, в контексте которой «русские язычники» звучало бы не совсем понятно, ведь на годы издания книги Верюжского приходится как раз расцвет именно русского, именно православного государства.

Язычники прогнали первых миссионеров с истока Сухоны не случайно: на этом месте явно было их святилище, с чем, в частности, можно попытаться связать происхождение одного из названий села — Общее, то есть такой пункт, где сходилась все окрестное население, например, на игрища.

СВЯТАЯ ГОРА

Огромный холм с названием из заголовка стоял не так давно близ села Святогорье, в Междуреченском районе. На его вершине возвышалась церковь Воскресения Христова с огромной колокольной, по уверениям пожилых людей, с площадки которой в ясный день можно было разглядеть даже Вологду на расстоянии 50 верст. Рядом со Святой горой были еще два холма с характерными именами — гора Гулынка и гора Стойловская.

В 1968 году церковь на горе взорвали, а песок и гравий, которыми был сложен этот холм ледникового происхождения, пошел на строительство полотна автодороги на Шуйское. Так коммунисты ради выполнения очередного фиктивного плана полностью разрушили прекрасный историко-ландшафтный памятник. Таким актам вандализма, когда в мгновение ока уничтожаются тысячелетние святыни русского народа, нет никакого оправдания! Можно по сохранившимся планам выстроить новый храм на месте прежнего, но ландшафт, имевший для наших предков сакральное значение, уже не восстановишь никогда. Святая гора имела относительную высоту в 30 метров и крутизну склонов до 25°, что само по себе большая редкость для равнинной Вологодской области. По склонам горы били из-под земли многочисленные родники, воду которых еще в 20-х годах продавали верующим в специальных бутылках с надписью «святая вода».

«Блуждающий» христианский праздник Воскресения каких-либо четких языческих праздников-предшественников не имеет, поэтому о чем-то конкретном в отношении русского языческого святилища на вершине Святой горы говорить пока не приходится. Возможно, это были некие ритуалы, связанные со встречей, «закликаньем», весны, что удобнее всего по древним представлениям было совершать с самого высокого места в округе. Гулянья или игрища, связанные с этой или другой датой солнечного календаря язычников, вероятно, происходили на соседней горе Гулынка.

ДВЕ СВЕТИЦЫ

Первая река Светица протекает на юго-востоке Нюксенского района и впадает справа в Городишну (бассейн Сухоны), а вторая река Светица течет на западе Кичменгско-Городецкого района, является правым притоком Кичменьги (бассейн Юга). Истоки Светиц находятся совсем близко друг от друга, поэтому есть основание предполагать, что в древности эти реки входили в состав одного из многочисленных на таежном Севере Руси водно-волоковых путей. Традиция устраивать на них святилища, вначале — языческие, затем — христианские, была, видимо, распространена здесь широко — вспомним хотя бы Болванцы на Славянке, Предтечу на Толшме или монастырь на Бабьем озере...

Из топонимов, близких по происхождению двум Светицам, надо отметить в первую очередь две деревни с аналогичными названиями, одна из которых стоит в устье кичгородской реки, а вторая стояла (сейчас заброшена) у начала лесного волока. В деревне Светица, что находится на мысу при слиянии рек Кичменьга и Светица, раньше была деревянная церковь (разрушена в годы Советской власти). В экономических примечаниях к Генеральному межеванию Никольского уезда конца XVIII века эта деревня в Сараевской волости занесена под названием «Погост Троицкой с церковью Живоначальной Троицы»⁴. К сожалению, нам неизвестны пока какие-то народные предания об этих «святых» реках, а они, без сомнения, существовали в старину. Именно сюжеты таких местных легенд могут помочь в полном раскрытии смысла двух Светиц, в поиске их истинной мотивировки.

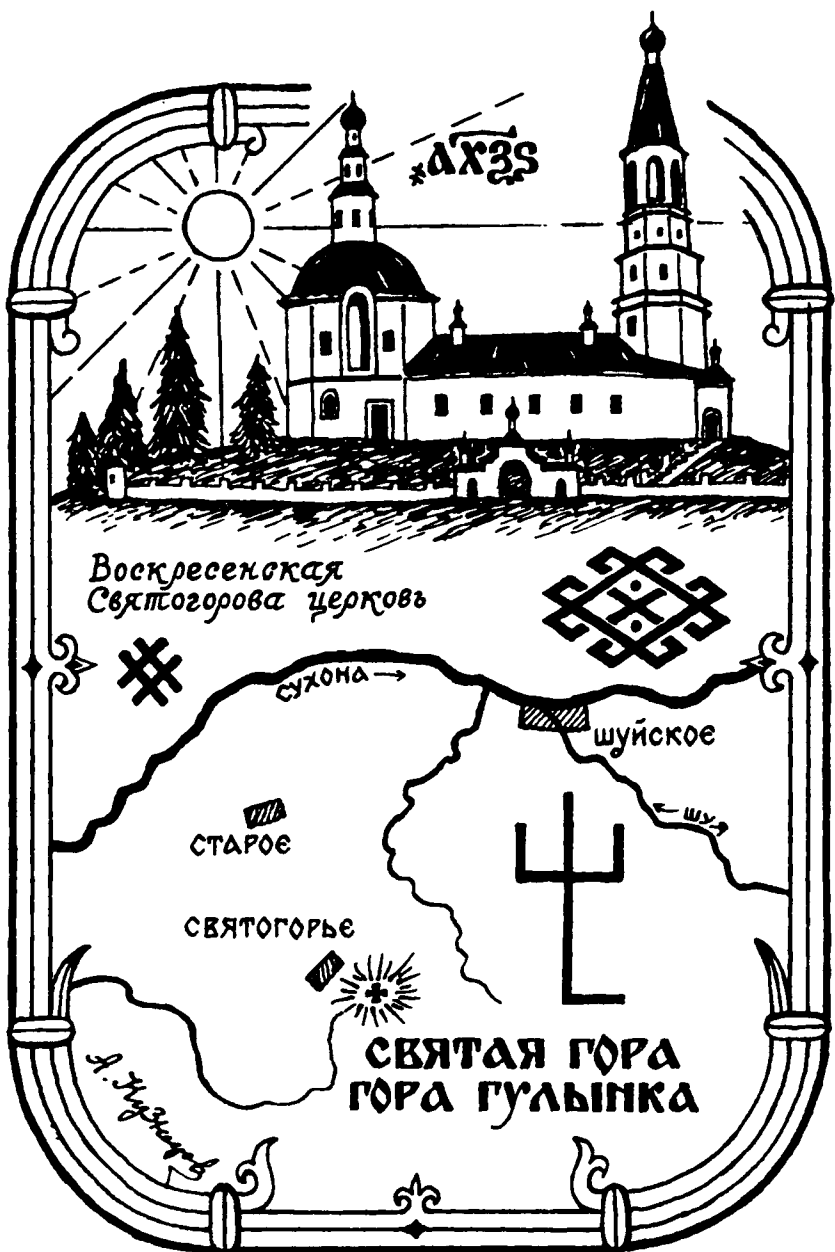
КРАСНЫЕ ГОРЫ

Вернемся ненадолго в Великий Устюг, который, по мнению известного краеведа начала XX века В.П. Шляпина, возник на месте нескольких родовых русских поселений, созданных в «дохристовы времена». В.П. Шляпин считал, что одно из таких поселений существовало на Красной горе, что находится в нескольких верстах от Соборного дворища, на высокой террасе долины реки Сухоны⁵.

Данное утверждение краеведа выглядит нелогичным по той простой причине, что все первоначальные поселения русских в тайге располагались обязательно на берегах рек или озер, а освоение террас и водораздельных пространств под жилье и пашню началось уже во времена Московской Руси. Красная гора, возвышающаяся над заболоченным древним руслом реки Сухоны, была идеальным местом для языческого святилища. Б.А. Рыбаков отмечает, что Красные горки, Красные холмы, где проводились масленичные сжигания чучел зимы, обряд «закликания» весны, катанье яиц на Фоминой неделе (которая тоже называлась «красной горкой»), были почти у каждого крупного села и в большинстве древних русских городов⁶.

Кроме Устюга Красная горка есть в Вытегре, где на вершине этого самого высокого холма в округе стоит Сретенская церковь. И в Устюге христианство пометило языческое святилище Иоанно-Предтеченским монастырем со знакомым уже читателям по этой книге названием. Устюгская Красная гора известна и под именем Ивановской (вспомним Ивановскую горку в Кирилловом монастыре), и под именем Соколовой или Соколей. Последний топоним — старинная легенда, зафиксированная в летоисии города⁷, связывает с татарским баскаком Бугой, или Багуем, принявшим христианство и новое имя Иоанн после знамения, бывшего ему во время соколиной охоты на горе под городом.

Триада топонимов Красная-Ивановская-Соколиная как раз и отражает запутанную язычески-христианскую сущность почитания этой горы. Очень важен, по нашему мнению, сюжет легенды о принятии Багуем христианской веры, что косвенно подтверждает вывод о языческом прошлом Красной горы. Солнечную сущность Красных гор идеология православия постаралась заменить в упомянутых случаях или Предтечей-Купалой, или праздником Сретенья господня (2 февраля), про который в народе говорят, что здесь зима встречается с летом, а значит, начинается очередное солнечное возрождение.

ВОЛШНИЦЫ И МОЛЬБИЦА

Эти два ойконима из Вологодского района Ю.И. Чайкина в топонимическом словаре населенных пунктов относит к названиям, указывающим на места языческих святилищ⁸.

Волшницы — деревня Вотчинского сельсовета. Ее имя происходит от слова «волшница» — место, где совершается предсказание жрецом-прорицателем. По формантному оформлению название Волшницы похоже на уже известные читателям Болванцы, что говорит о глубокой древности происхождения этих ойконимов. Никакой церкви в деревне Волшницы не было, но в 2 верстах от нее есть деревня Свободный Угол, которая до революции называлась Святой Угол. Там был родник, а воду из него считали целебной, или «святой». Возможно, языческое название Волшницы как-то было связано с христианским топонимом Святой Угол.

Мольбица — деревня на левом берегу реки Вологды, ниже поселка Молочное. В писцовой книге Ракульской волости 1678 года она записана под тем же названием, что и сегодня⁹. В словаре Ю.И. Чайкиной приведено древнерусское слово «мольбище» в значении «место общественных молений» как отражение языческих верований. В книге «Родословие вологодской деревни» о Мольбицах говорится, что по преданию она известна с XIII века, к сожалению, при этом нет ссылки на источник информации¹⁰.

Любопытно название волости, где стоит деревня, — Ракульская или Ракула. По одной из версий, оно происходит от вепсских слов «рай» — «край, рубеж, граница» и «кула» или «кюля» — «чужая деревня, центр гнезда деревень». Таким образом, Ракула можно перевести как «Чужая деревня на границе». «Чужими» для вепсского этноса в то время, когда возник этот топоним, могли быть только русские, которые переселялись в тайгу, спасаясь от притеснений христиан. Следовательно, два названия, Ракула и Мольбица, поддерживают толкования друг друга.

Из названий, похожих на Мольбица, стоит отметить Молебную гору, известную еще под именем Троица, расположенную на берегу реки Кубены близ современных границ Вожегодского и Сямженского районов. Характерно, что и в данном случае топоним явно языческого происхождения продублирован христианским названием более позднего происхождения.

КРЕСТОВОЙ КАМЕНЬ

В Тарногском районе, на Шебеньге, за деревней Тиуновская есть камень, который местные жители издавна именуют Крестовым. Его название недвусмысленно говорит о том, что камень когда-то был окрещен, а до крещения, возможно, был языческим идолом. Вологодский археолог И.Ф. Никитинский в своих публикациях, посвященных Тиуновскому святилищу, отмечает такой примечательный факт, как рисунки, покрывающие камень со всех сторон. Происхождение их связывается с дославянским населением Кокшеньгского края, с его языческими верованиями¹¹.

У деревни Тиуновская в старину было и второе название — Пожарище, отмеченное в писцовой книге XVII века. Ю.И. Чайкина связывает его происхождение с тем, что деревня возникла около участка сожженного леса¹². Можно предложить и другую версию — Б.А. Рыбаков указывает, что слово «пожар» в русских средневековых источниках имело значение «ритуальный костер у язычников», и приводит цитату из произведения, датированного 1280 годом: «Пред враты домов своих пожар запаливши, прескакають по древнему некоему обычаю»¹³. Около же Крестового камня в результате археологических раскопок как раз и были обнаружены следы огромных кострищ.

Почитаемые камни на Русском Севере не редкость, редкостью являются их оригинальные названия. Например, В.В. Шевелев, описывая семь камней-следовиков на Каргополье в соседней Архангельской области, связываемых церковью с культом местного святого Александра Ошевенского — тоже борца с язычниками, — не приводит ни одного названия таких камней. Все они выступают под аморфным наименованием «святые»¹⁴. У нас, в Вологодской области, выделяется один «каменный» топоним — Лось, как издревле именуется самый большой ледниковый пришелец в окрестностях города Тотьмы.

Камень Лось лежит прямо в русле реки Сухоны, в летнее время возвышаясь над уровнем воды аж на два с половиной метра! По преданию, название свое камень получил из-за углубления на поверхности в форме лосиного копыта, в связи с чем в качестве основного мотива происхождения данного топонима может выступать языческий, культовый мотив. Обожествление крупных камней было широко распространено у русских язычников, а в данном случае примечательным выглядит факт погруженности Лося в воду, что напоминает уже рассматривавшиеся в нашей книге языческие святилища Спас-Камня и Камня у деревни Чернцово.

Название Лось отражает также обожествление крупных таежных животных, главных источников пищи. Наши предки на этом речном алтаре могли приносить жертвы богам лесов и вод, в надежде на то, что удача в охоте и рыболовстве от них не отвернется.

КОКУЙ В ОПОКАХ

Крутая излучина Сухоны в нижнем течении носит название переката Опоки. Это самое трудное для прохождения судов место на реке и в то же время — это одно из самых красивых мест на всем протяжении Сухоны, чему немало способствуют величественные шестидесятиметровые обрывы. Привлекает внимание и трудно с чем сравнимое скопление сакральных топонимов в Опоках — деревня Братское (от слова «Брат» — монах), гора и ручей Святые, перебаты Никольский и Яриловский, а также деревня Кокуй.

Остановимся подробнее на происхождении последнего названия. Деревня Кокуй стоит на левом берегу Сухоны, вернее — стояла, потому что в наше время обезлюдела, запустела. В древнерусском языке кокуем называли Иванов день (7 июля), а также место, где справляли этот праздник. Вероятно, термин «кокуй» пришел в русский язык из какого-то финно-угорского языка, так как есть финское слово «кокко» — праздничный костер в день летнего солнцестояния, а в языке вепсов «кук» — холм, горка, потому что костры, посвященные солнцу, зажигались на вершинах самых высоких холмов в округе. Позже в народных говорах Русского Севера слово «кокуй» приобрело значение с «христианским» оттенком — «кладбище» и применялось в качестве местного термина для обозначения мест древних захоронений, где людей погребали еще не по православному обряду.

Последнее, на что стоит обратить внимание, — рядом с деревней Кокуй на берегу Сухоны стояла деревянная Никольская церковь, от которой сейчас, как и от деревни, кроме названия, ничего не осталось. Из других аналогичных названий надо отметить деревню Горка-Кокуй в Никольском районе. В народе так издавна называли высокий обрывистый левый берег речки Миляш, притока Кипшеньги. Известно также, что одна из башен новгородского кремля называлась Кокуй, так как была возведена вблизи места, где разворачивалось действие языческих празднеств. Собственно говоря, главная особенность и главное значение всех топонимов — в их долговечности,

названия сохраняются в памяти народа и после того, как объекты наименования исчезают с лица земли бесследно...

ПРИМЕЧАНИЯ

ОТ АВТОРА

1. Вновь опубликовано в сборнике: Городок на Московской дороге. — Вологда: Ардвисура, 1994. — С. 227.
2. Цитирую по: Садоков Р.Л. Веселые скоморохи // Глазами этнографов. — М.: Наука, 1982. — С. 131.
3. Цитирую по: Замалеев А.Ф., Овчинникова Е.А. Еретики и ортодоксы. Очерки древнерусской духовности. — Л.: Лениздат, 1991. — С. 18—19.
4. Шевелева Н.И. Послание епископа краковского Матвея Бернарду Клервоскому об «обращении русских» // Древнейшие государства на территории СССР. — М.: Наука, 1976. — С. 114—115.
5. Цитирую по: Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. — М.: Наука, 1987. — С. 458, 738—739.
6. Интересующихся этой темой отошлю к одной из новых работ: Иванов А., Богданов Н. Христианство. — М.: Витязь, 1994.
7. Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. — С. 4, 137.
8. Камкин А.В. Вопросы истории церкви в школьном краеведении. — Вологда: Газета, 1990. — С. 12—13; Камкин А.В. Православная церковь на Севере России. Очерки истории до 1917 года. — Вологда: ВГПИ, 1992. — С. 7—8.
9. Летова И.А. О следах языческих представлений в русской топонимии // Вопросы ономастики. — Свердловск: УрГУ, 1982. — С. 32—44; Летова И.А. Семантическое противопоставление «святой» — «черт» в топонимии Русского Севера // Этимологические исследования. — Свердловск: УрГУ, 1988. — С. 105—118.

ГЛАВА 1. СЛОВЕНСКИЕ БОЛВАНЦЫ

1. Ойконим — название любого населенного пункта.
2. Вологодская область. Административно-территориальное деление на 1 января 1973 года. — Вологда: СЗКИ, 1974.
3. Формант — часто повторяющийся элемент в конце географических названий.
4. Мурзаев Э.М. Словарь народных географических терминов. — М.: Мысль, 1984. — С. 89.
5. О праславянах на Дунае см.: Трубачев О.Н. Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. — М.: Наука, 1991.
6. 1544 г., февраля — Сотная из писцовых книг Ф.Ф. Хидыршикова и Г.Л. Клементиева на земли Кирилло-Белозерского монастыря в Белозерском уезде // Материалы по истории Европейского Севера СССР. Северный археографический сборник. Вып. 2. — Вологда: ВГПИ, 1972. — С. 187.

7. Этноним — наименование какого-либо народа, нации, племени и т.п.
8. Слово «болван» для славянских языческих изваяний подходит лучше, именно так называли их сами язычники. Современное уничижительное, отрицательное значение у этого слова связано, естественно, с христианской традицией.
9. Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. — С. 234.
10. Макаров Н.А. Русский Север. Таинственное средневековье. — М., 1993. — С. 122—123.
11. Макаров Н.А. Русский Север... — С. 120—121.
12. Оценить современное положение ландшафтов описываемой местности можно по топографической карте «Окрестности Череповца», масштаб 1 : 200 000. — СПб.: Аэрогеодезия, 1991.
13. Чайкина Ю.И. Словарь географических названий Вологодской области. Населенные пункты. — Вологда: Изд. ИПКиППК, 1993. — С. 428.
14. Макаров Н.А. Первые христиане или последние язычники? // Кириллов. Историко-краеведческий альманах. Вып. 1. — Вологда: Русь, 1994. — С. 67—80.
15. Верюжский И. Исторические сказания о жизни святых, подвизавшихся в Вологодской епархии, прославляемых всею церковью и местно чтимых. — Вологда: Типография В.А. Гудкова-Белякова, 1880. — С. 31.
16. Из последних работ на эту тему, имеющих отношение к Вологодскому краю, см.: Жарникова С.В. Обрядовые функции северорусского женского народного костюма. — Вологда, 1991 (в списке рекомендуемой литературы на с. 41 этой книжки есть указания еще на ряд работ этого автора); Быков А.В. Народный костюм Вологодской области. Костюм Кадниковского уезда Вологодской губернии XIX—начала XX вв. — Вологда: Газета, 1990.
17. Гумилев Л.Н. География этноса в исторический период. — Л.: Наука, 1990. — С. 51.
18. Рыбаков А.А. Устюжна. Череповец. Вытегра. — Л.: Искусство, 1981. — С. 11—12.

ГЛАВА 2. ЛЕГЕНДЫ ЛЫСЫХ ГОР

1. Сажень примерно равна 216 см, аршин — 72 см.
2. Вологодская старина. Историко-археологический сборник / Сост. И.К. Степановский. — Вологда, 1890. — С. 432.
3. Этимология — происхождение географического названия. Народная этимология — ложное, основанное на случайных совпадениях толкование.
4. Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. — С. 140—142.
5. Мифологический словарь. — М.: Советская энциклопедия, 1991. — С. 438—439.
6. Антонова В.И., Мнева Н.Е. Каталог древнерусской живописи // Государственная Третьяковская галерея. — М., 1963. — Т. 1. — С. 182—183.

7. Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. — С. 141.
8. Там же. — С. 178—179.
9. Материалы для истории делопроизводства поместного приказа по Вологодскому уезду в XVII веке, собранные В.Н. Сторожевым // Записки Российской академии наук по историко-филологическому отделению. — ПГ., 1918. — Т. IX. — С. 269.
10. Ильинский Н.В. Сенокосные угодья по берегам Кубенского озера. — Вологда, 1921. — С. 1—4.
11. Вологодская старина... — С. 431.
12. Водарский Я.Е. Вологодский уезд в XVII в. // Аграрная история Европейского Севера СССР. — Вологда: ВГПИ, 1979. — С. 318.
13. Водарский Я.Е. Вологодский уезд. — С. 317.
14. Агиотопоним — название, образованное от имени христианского святого.
15. Пользуясь случаем, хочу принести благодарность А.В. Быкову за сведения о Лысой горе у деревни Кулемесово.
16. Материалы для оценки земель Вологодской губернии. Вельский уезд. — Вологда: Типография Знаменского и Цветова, 1909. — Т.4. — С. 192.

ГЛАВА 3. КОГО СПАС КАМЕНЬ

- 1-2. Объяснить несоответствие в датах миссионерского путешествия и отчества князя Глеба оставляем специалистам-историкам.
3. Сказание о Спасо-Каменном монастыре. Подготовлено к печати Н.Н. Малининой // Памятники письменности в музеях Вологодской области. Ч. 1. Вып. 2. — Вологда, 1987. — С. 413.
4. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. — Л.: Гидрометеиздат, 1990. — С. 43.
5. Вологодская старина... — С. 59.
6. Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. — С. 688, 774.
7. Сказание о древнем Ферапонтове Богородице-Рождественском монастыре... Составлено игуменьей Таисией // Лад. 1994. № 5. С. 50.

ГЛАВА 4. КАМЕНЬЕ ДА РОЩЕНЬЕ

1. Бочаров Г., Выголов В. Вологда. Кириллов. Ферапонтово. Белозерск. — М.: Искусство, 1979. — С. 86—87.
2. Лукомский Г.К. Вологда в ее старине. Репринт 1914 г. — Вологда: КИИС, 1991. — С. 174—175.
3. Лукомский Г.К. Вологда в ее старине. — С. 175.
4. Максимов С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила. — СПб.: Полисет, 1994. — С. 395.
5. Мирон А., Мухин А. Числиха // Лад. 1994. № 2. С. 24.
6. Вержужский И. Исторические сказания... — С. 34.
7. Переписная дозорная книга дворцовых земель Вологодского уезда 1589—1590 гг. Публикация Н.И. Федышина // Материалы по истории

- Европейского Севера СССР. Северный археографический сборник. Вып. 2. — Вологда: ВГПИ, 1972. — С. 75.
8. Коновалов Ф.Я., Панов Л.С., Уваров Н.В. Вологда: XII—начало XX века. Краеведческий словарь. — Архангельск: СЗКИ, 1993. — С. 35.
  9. Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. — С. 689.
  10. Там же. — С. 687.
  11. Там же. — С. 254.
  12. Никитин А. Цветок папоротника. Возвращение к Северу. — М.: Мысль, 1972. — С. 43.
  13. Надо отметить, что имя Иван было присоединено к названию общеславянского языческого божества Купало уже в христианские времена, как народный вариант имени Иоанн. Сам же мифоним Купало происходит от слова «купа» — пара, вдвоем. Главным содержанием праздника было создание новых семей, брачных пар, куп.
  14. Максимов С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила. — С. 388.
  15. Лукомский Г.К. Вологда в ее старине. — С. 148.
  16. Садоков Р.Л. Веселые скоморохи. — С. 130.
  17. Чайкина Ю.И. Словарь географических названий. — С. 300.
  18. Вологодская область. Административно-территориальное деление. — С. 254, 455.
  19. Вологодская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859 года. — СПб., 1866. — С. 305.
  20. Список населенных мест юго-западных районов Северного края. — Архангельск, 1931. — С. 100.
  21. Колесников П.А. Северная Русь. Актовые источники по истории крестьянства и сельского хозяйства XVII в. — Вологда, 1971. — С. 38, 40.
  22. Материалы для оценки земель Вологодской губернии. Тотемский уезд. — Вологда, 1909. — Т. 3. — С. 74.
  23. Церкви и улицы старой Вологды. План-схема. Составил А.И. Сазонов. — Вологда, 1991.
  24. Вологодская старина... — С. 139.
  25. Лукомский Г.К. Вологда в ее старине. — С. 144—146.
  26. Материалы для истории делопроизводства... — С. 28.
  27. Вологодская область. Административно-территориальное деление. — С. 312.

ГЛАВА 5. КЛЮЧЕВАЯ ВОДА ПРЕДТЕЧИ

1. Воспоминания о Рубцове. — Архангельск: СЗКИ, 1983. — С. 60.
2. Второй деревянный храм находится на севере Тотемского района — это Ильинская Борокская церковь.
3. Эта карта хранится в фондах Тотемского краеведческого музея.
4. Вологодская губерния. Список населенных мест... — С. 309.
5. Список населенных мест юго-западных районов... — С. 111.
6. Материалы для оценки земель... — С. 85.

7. Кузнецов А. Язык земли Вологодской. — Архангельск: СЗКИ, 1991. — С. 21; Кузнецов А.В. Грязовецкие топонимические этюды // Городок на Московской дороге. Историко-краеведческий сборник. — Вологда: Ардвисура, 1994. — С. 22—25.
8. Стоглав. — Казань, 1862. — С. 390—391.
9. Садоков Р.Л. Веселые скоморохи. — С. 131.
10. Цитирую по статье Н. Пушкаревой «История русского секса» // Семья. 1992. № 20. С. 12.
11. Никитин А. Цветок папоротника. — С. 41.

ГЛАВА 6. ИВАНОВСКАЯ ГОРКА КИРИЛЛА БЕЛОЗЕРСКОГО

1. Кирпичников А.Н., Хлопин И.Н. Великая государева крепость. — Л.: Художник РСФСР, 1972: ил. между С. 32—33.
2. Варюхичев А. Слово о граде Кириллове. — Архангельск: СЗКИ, 1985. — С. 8—9.
3. Кирпичников А.Н., Хлопин И.Н. Великая государева крепость. — С. 19—23.
4. Цитирую по: Кириллов. Историко-краеведческий альманах. Вып. 1. — Вологда: Русь, 1994. — С. 86.
5. Маланин И.Д. Следовики // Памятники Отечества. Вып. 19. — 1989. — С. 130—134.
6. 1544 г., февраля — Сотная из писцовых книг. — С. 186.
7. Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. — С. 145.
8. Кириллов. Историко-краеведческий альманах. — С. 83—84.
9. Средневековая археология Восточной Европы. — М.: Наука, 1986. — С. 74.

ГЛАВА 7. ОТ УСТЮЖНЫ ДО УСТЮГА

1. Случевский К.К. По северу России // По северо-западу России — СПб., 1897. — Т. 1. — С. 142.
2. Стоглав. — С. 142.
3. Токмаков И.Ф. Историко-статистическое и археологическое описание города Устюжна с уездом Новгородской губернии. — М.: Изд. П.Д. Иконникова, 1897. — С. 55.
4. Мурзаев Э.М. Словарь народных географических терминов... — С. 99.
5. Никонов В.А. Краткий топонимический словарь. — М.: Мысль, 1966. — С. 68.
6. Максимов С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила. — С. 284.
7. Шильниковская В.П. Великий Устюг. — М.: Стройиздат, 1987. — С. 96—103.
8. Верюжский И. Исторические сказания... — С. 69.
9. Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. — С. 420—421.

10. Садоков Р.Л. Веселые скomorохи. — С. 132.
11. Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. — С. 54.
12. Мильчик М.И. Бестужево. — Архангельск: СЗКИ, 1972. — С. 4.
13. Словарь вологодских говоров. А—Г. — Вологда: ВГПИ, 1983. — С. 48.
14. Паламарчук П.И. Праведный Прокопий Устьянский // Москва или Третий Рим? — М.: Современник, 1991. С. 49—65.

ГЛАВА 8. ПОГАННОЕ МЕСТО БЛИЗ СОЛИ-ТОТЕМСКОЙ

1. Григоров Д.А. Тотма и ее окрестности // Тотма. Историко-литературный альманах. Вып. 1. — Вологда: Русь, 1995. — С. 210—212.
2. Проблемы историографии и источниковедения истории Европейского Севера. — Вологда: ВГПИ, 1992. — С. 137.
3. Материалы и методические рекомендации к практическим занятиям по специальным и вспомогательным историческим дисциплинам. — Вологда: ВГПИ, 1973. — С. 18—19.
4. Колесников П.А. Северная Русь. — Вологда, 1971. — С. 16.
5. Вологодская губерния. Список населенных мест. — С. 495.
6. Колесников П.А. Северная Русь (XVIII столетие). — Вологда: ВГПИ, 1973. — С. 61, 68.
7. Кузнецов А. Поганая Пешма // Лад. 1993. № 10. С. 56—57.
8. Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. — С. 210.
9. Приношу благодарность краеведу из села Красноборск Архангельской области С.И. Тупицыну за эти топонимы.
10. Вологодская губерния. Список населенных мест... — С. 276.

ГЛАВА 9. СВЯТИЛИЩА ВОЛОСТИ ТИКСНА

1. Много интересного рассказал нам о веригинской сосне тарногский краевед А.А. Угрюмов.
2. Максимов С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила. — С. 232.
3. Колесников П.А. Северная Русь. — Вологда, 1971. — С. 35.
4. Челищев П.И. Путешествие по Северу России в 1791 году. — СПб., 1886. — С. 203.
5. Верюжский И. Исторические сказания... — С. 639—640.
6. Линьков А. Описание Тиксненской Преображенской церкви Тотемского уезда // ВЕВ. 1899. № 6. С. 156—157 прибавлений к журналу.
7. Линьков А. Описание Тиксненской Преображенской церкви. — С. 157.
8. Словарь вологодских говоров. А—Г. — С. 38, 48.
9. Верюжский И. Исторические сказания... — С. 644—645.
10. Линьков А. Блаженной памяти Преподобного Вассиана Тиксненского чудотворца // ВЕВ. 1897. № 19. С. 405—407 прибавлений к журналу.
11. Топоров В.Н. Из славянской языческой терминологии: индоевропейские истоки и тенденции развития // Этимология. 1986—1987. — М.: Наука, 1989. — С. 3—50.

ГЛАВА 10. НИКОЛЬСКИЙ РЕЦЕПТ НЕПОРОЧНОГО ЗАЧАТИЯ

1. Мифологический словарь. — С. 318.

2. Письмо Н.И. Капустина от 18.04.90 года хранится в архиве автора книги.

ГЛАВА 11. ДЕДОВ ОСТРОВ И БАБЬЕ ОЗЕРО

1. Антипов Н.П. Острова на реке Сухоне // Вологодский край. Вып. 3.

— Вологда: Книжное издательство, 1962. — С. 178.

2. Острова на реке Сухоне: Внуков, Бабий и Дедов // Северная пчела.

— СПб., 1845. № 171. С. 681.

3. Мифологический словарь. — С. 120, 180—181.

4. Рыбаков А.А. Устюжна. Череповец. Вытегра. — С. 86—87, фото на

с. 123.

5. Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. — С. 145.

6. Белов А.К. Трибожие // Родные просторы. 1991. № 2(10). С. 4—5.

7. Григоров Д.А. Тотьма и ее окрестности. Глава «Дедовская Троицкая пустынь» // Тотьма. Историко-литературный альманах. Вып. 1. — Вологда: Русь, 1995. — С. 248—250.

8. Верюжский И. Исторические сказания... — С. 680—689.

9. Стоглав. — С. 390.

10. Колесников П.А. Северная Русь. — Вологда, 1971. — С. 55.

11. Устюгский летописный свод. — Л.: Изд. АН СССР, 1950. — С. 82—83.

ГЛАВА 12. ЯЗЫЧЕСКАЯ СМЕСЬ

1. Чайкина Ю. И. Словарь географических названий. — С. 135.

2. Сказание о Спасо-Каменном монастыре. — С. 413.

3. Верюжский И. Исторические сказания... — С. 32.

4. Колесников П.А. Северная Русь (XVIII столетие)... — С. 130.

5. Шляпин В.П. Из истории города Великого Устюга // Записки Северо-Двинского общества изучения местного края. Вып. 1. — Великий Устюг, 1925. — С. 5—24.

6. Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси... — С. 138.

7. Летописец города Великого Устюга. Публикация А.Н. Неподобьева // Бысть на Устюзе... Историко-краеведческий сборник / Отв. редактор А.В. Быков. — Вологда: ЛиС, 1993. — С. 133.

8. Чайкина Ю.И. Словарь географических названий. — С. 75, 214.

9. Водарский Я.Е. Вологодский уезд... — С. 345.

10. Родословие вологодской деревни. Составитель П.А. Колесников. — Вологда: ВГПИ, 1990. — С. 64.

11. Никитинский И.Ф. Святилище у д. Тиуновской // Изучение аграрной истории Европейского Севера СССР на современном этапе. — Сыктывкар, 1989. — С. 8—13.

12. Чайкина Ю.И. Словарь географических названий. — С. 349.
 13. Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. — С. 218.
 14. Шевелев В.В. Культ камней в Каргопольском крае // Европейский Север: история и современность. — Петрозаводск, 1990. — С. 137 — 138.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	3
Глава 1. <i>Словенские Болванцы</i>	7
Глава 2. <i>Легенды Лысых гор</i>	15
Глава 3. <i>Кого спас камень</i>	25
Глава 4. <i>Камень да Рощенье</i>	31
Глава 5. <i>Ключевая вода Предтечи</i>	43
Глава 6. <i>Ивановская горка Кирилла Белозерского</i>	49
Глава 7. <i>От Устюжны до Устюга</i>	54
Глава 8. <i>Поганое место близ Соли-Тотемской</i>	60
Глава 9. <i>Святылища волости Тиксна</i>	65
Глава 10. <i>Никольский рецепт непорочного зачатия</i>	73
Глава 11. <i>Дедов остров и Бабье озеро</i>	77
Глава 12. <i>Языческая смесь</i>	84
Примечания	92